

HISTORIA

ROSSICA

В. С. ИЗМОЗИК

"Черные кабинеты"

ИСТОРИЯ
РОССИЙСКОЙ
ПЕРЛЮСТРАЦИИ.
XVIII –
НАЧАЛО XX ВЕКА

НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

Historia Rossica

Владлен Измозик

**«Черные кабинеты». История
российской перлюстрации.
XVIII – начало XX века**

«НЛО»

2015, 2023

УДК 342.738(091)(47+57)
ББК 63.3(2)5-36

Измозик В. С.

«Черные кабинеты». История российской перлюстрации.
XVIII – начало XX века / В. С. Измозик — «НЛО», 2015,
2023 — (Historia Rossica)

ISBN 978-5-44-482141-1

Автор монографии – крупнейший специалист по истории российской перлюстрации. В.С. Измозик провел почти двадцать лет в архивных изысканиях, пытаясь проникнуть в самые темные уголки закулисной политики, в тайну «черных кабинетов». Читателя ждет увлекательный рассказ о режиме строжайшей секретности, способах вскрытия частной и дипломатической корреспонденции, об обнаруженных благодаря перлюстрации кознях и заговорах, а также о нелегкой жизни и службе чиновников «черных кабинетов». После перлюстрации и после архивных исследований тайное становится вдвойне явным, позволяя глубже понять события политической истории Российской империи.

УДК 342.738(091)(47+57)
ББК 63.3(2)5-36

ISBN 978-5-44-482141-1

© Измозик В. С., 2015, 2023
© НЛО, 2015, 2023

Содержание

Предисловие	6
Введение	11
Глава 1	40
Конец ознакомительного фрагмента.	53

В. С. Измозик
«Черные кабинеты». История российской
перлюстрации. XVIII – начало XX века
2-е издание

Моей жене, Людмиле Васильевне Обуховой

Городничий: <...> Послушайте, Иван Кузьмич, нельзя ли вам, для общей нашей пользы, всякое письмо, которое прибывает к вам в почтовую контору, входящее и исходящее, знаете, так немножко распечатать и прочитать: не содержится ли в нем какого-нибудь донесения или просто переписки.

Почтмейстер: Знаю, знаю... Этому не учите, это я делаю не то чтоб из предосторожности, а больше из любопытства: смерть люблю узнать, что есть нового на свете. <...>

<...>

Городничий: <...> Так сделайте милость, Иван Кузьмич: если на случай попадется жалоба или донесение, то без всяких рассуждений задерживайте.

Н.В. Гоголь. «Ревизор»

Предисловие

С конца XIX века в Министерстве внутренних дел Российской империи существовала довольно странная для непосвященных традиция. На следующий день после назначения нового министра в его приемной появлялся чиновник в мундире почтового ведомства. Он сообщал секретарю, что о приеме у министра просит старший цензор цензуры иностранных газет и журналов при Санкт-Петербургском почтамте. Как правило, его тут же просили пройти в кабинет.

Представившись, он доставал из папки большой белый конверт с надписью на лицевой стороне «Его Сиятельству» и красной сургучной печатью на обороте. Получив конверт и аккуратно вскрыв его, новый министр обнаруживал там высочайше утвержденный 5 января 1895 года секретный доклад тогдашнего министра, статс-секретаря Ивана Николаевича Дурново. Текст начинался словами: «Секретно. О перлюстрации». Считалось, что только в этот момент новый министр узнавал, во всяком случае официально, о существовании в империи службы перлюстрации и знакомился с ее руководителем. Одновременно министр получал копию этого доклада и первый пакет выписок из перлюстрированной корреспонденции.

С этого дня ежедневно рано утром, в начале девятого часа, в канцелярию министра внутренних дел доставлялся большой толстый конверт листового формата, запечатанный сургучной печатью с гербом без инициалов. На нем типографским способом было напечатано: «Его Высокопревосходительству» – и далее указывались имя, отчество и фамилия очередного министра. Секретарь знал, что вскрывать этот конверт нельзя, и просто клал его на стол своего патрона. На самом деле конверт был двойным, и оба пакета были опечатаны в целях большей конспирации. Во внутренний конверт вкладывалась также справка о количестве выписок и писем, отправленных в Департамент полиции (ДП) Министерства внутренних дел. Таким образом министр знакомился с очередной порцией перлюстрации¹.

Что обуславливало столь повышенную секретность? Что вообще означает слово «перлюстрация»? Перлюстрация (от латинского *perlustro* – обзреваю) – вскрытие писем без ведома пишущих – возникла, по всей видимости, в глубокой древности, с началом почтовой переписки. В литературе можно встретить утверждение, что еще в 499 году до н. э. персидскому наместнику города Милета Аристагору, готовившему восстание ионийских городов Малой Азии против Дария I, нужно было отправить послание одному из союзников. Письмо было начертано на бритой голове раба, и раб отправился в путь, когда отросли волосы². Власть, естественно, всегда желала знать, что думают о ней дипломатические представители других государств, политические противники, истинные или мнимые, наконец, собственные подданные. Римский автор I века н. э. К.К. Руф утверждает, что Александр Македонский, заподозрив в заговоре некоторых лиц из своего окружения, прочитал перехваченное письмо полководца Пармениона к его сыновьям Никанору и Филоту. В результате Парменион и Филот были убиты³. Другой римский историк II – III веков, Юстин, пересказывая труд Помпея Трога, сообщает, что Александр Македонский, заметив недовольство воинов, предложил желающим написать письма на родину. Сданные связки писем он приказал тайно принести к нему. Те, кто написал о тяготах службы, были публично опозорены⁴.

¹ Государственный архив Российской Федерации [далее – ГАРФ]. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 1000. Л. 49 об., 51, 52, 72–72 об.

² Захарцев С.И., Игнащенко Ю.Ю. Об истории возникновения и развития контроля почтовых отправлений // История государства и права. 2006. № 3. С. 22.

³ Руф К.К. История Александра Македонского. М.: МГУ, 1993. С. 131.

⁴ Юстин. Эпитома сочинения Помпея Трога «Historiae Philippicae» // Руф К.К. История Александра Македонского. С. 363.

Если брать Средние века, известно, что перлюстрация в Европе существовала при Людовике XI (1423–1483). Но создателем целой системы перлюстрации считают знаменитого кардинала Армана Жана дю Плесси Ришелье. В 1628 году он провел почтовую реформу, запретив пересылку писем помимо почты. Одновременно по его приказу при Парижском почтамте появилась специальная комната для тайного просмотра пересылаемой корреспонденции. Так возникло выражение «черный кабинет» – помещение, где проводилась перлюстрация. Сам Ришелье цинично называл эту операцию «размягчением сургуча» (*le ramollissement de la cire*). Детище кардинала Ришелье усовершенствовал король Людовик XIV, организовав полицейское политическое бюро⁵. С середины XVII века подобные службы появились почти во всех европейских странах.

Главной особенностью перлюстрации было то, что она проводилась строго секретно и в нарушение официально существовавшего законодательства. Секретные инструкции для чиновников-перлюстраторов были важнее законов. Государство всегда официально отрицало существование перлюстрации, иначе она потеряла бы свой смысл. Поэтому перлюстрация и все, что было с ней связано, считались одной из важнейших государственных тайн.

Сразу скажу, что отличаю перлюстрацию от официальной военной цензуры. Последняя не является перлюстрацией в полной мере, так как военная цензура вводится специальным публикуемым постановлением, на корреспонденции ставится специальный штамп «Проверено военной цензурой»; в самом тексте при необходимости делаются вымарывания. Даже в отношении XVIII века, когда специальных штампов не существовало, но обывателям объявлялось о сдаче писем для проверки, нельзя говорить о перлюстрации. Поэтому известный историк В.В. Лапин, на мой взгляд, неправомерно употребляет данный термин, сообщая, что в 1705 году в ходе Северной войны по приказу Петра I «все жители Митава должны были под страхом смертной казни передавать для перлюстрации любую свою переписку», чтобы лишить шведов возможности получать информацию о русских войсках в Курляндии. Представляется, что здесь необходим термин «цензура». Такая же подмена понятий у автора присутствует в рассказе о том, что из России письма пленных шведов «шли около года, поскольку подлежали неспешной процедуре перлюстрации в Посольском приказе»⁶.

Также неверна ссылка Л.В. Антоновой и Т.А. Просвириной на указ Петра I от 17 июня 1718 года как на указ о перлюстрации⁷. На деле в этом документе речь шла о том, что к некоторым из арестованных по делу царевича Алексея приходят «подозрительные письма под другими конвертами». То же относилось и к шведским пленным, которым «по воинскому поведению и обычаю явная корреспонденция за отворчатую печатью... запрещена не была», но к ним «под конвертами чужестранных письма... приходят и отходят». Поэтому под страхом смертной казни и конфискации «всего... движимого и недвижимого имущества» такие письма велено было отдавать в Генеральное почтовое управление. Причем «сей указ» следовало «везде публиковать и во всех почтовых дворах прибить»⁸. Понятно, что в данном случае имелась в виду цензура, а не перлюстрация. Кроме переписки военнопленных, всегда официально контролировалась также переписка заключенных. Вскрытие корреспонденции могло производиться и на основании постановления прокуратуры или суда по представлению следственных органов в отношении лиц, подозреваемых в совершении преступлений.

Даже добросовестных авторов подводит недостаточное знание законов Российской империи и распоряжений высших начальствующих лиц в тот или иной период ее истории. Например, филателист В. Калмыков считает, что штемпель «ДЦ» (дозволено цензурой) ставился

⁵ Кениг Б.Э. «Черные кабинеты» в Западной Европе. История нарушения почтовой тайны / Пер. с нем. М., 1905. [На немецком языке первое издание – 1875 года, второе – 1899-го.] С. 10–11, 13.

⁶ Лапин В.В. Полтава – российская слава: Россия в Северной войне 1700–1721 гг. СПб.: Нестор-История, 2009. С. 123, 231.

⁷ Антонова Л.В., Просвирина Т.А. История спецслужб России. М.: Дом славянской книги, 2010. С. 36.

⁸ Полное собрание законов Российской империи [далее – ПСЗ]. Собр. 1-е. Т. 5. СПб., 1830. № 3209.

на перлюстрируемых письмах в «черных кабинетах», а губернские жандармские управления употребляли свой цензурный штемпель на просмотренных письмах⁹. Автор из Иркутска В. Блануца пишет, что на конверте письма, направленного административно-сылльному А.С. Бориневичу из Одессы 9 марта 1880 года и поступившего в Иркутскую почтовую контору 17 апреля, имеются надпись «В Канц [елярии] Ирк [утского] Губ [ернатора] просмотрено» и подпись. Еще на одном конверте для того же адресата, доставленном в город Верхолениск, стоит сургучная печать «Исправника Верхоленинского округа». На этом основании делается вывод, что перед нами примеры перлюстрации в канцелярии иркутского губернатора и у исправника, причем в первом случае неосторожно была сделана рукописная пометка¹⁰. Однако в действительности здесь не было факта перлюстрации. Дело в том, что в июне 1878 года генерал-губернатор Восточной Сибири барон П.А. Фредерикс направил начальникам губерний и областей предписание относительно наблюдения за перепиской «государственных преступников». Такой контроль должен был касаться «тех из них, особенное наблюдение за перепискою которых признается... необходимым» местным полицейским начальством¹¹. Поэтому местные чиновники считали себя вправе не скрывать факта просмотра корреспонденциисылльных «государственных преступников». Аналогичную ошибку допускает известный исследователь С.Н. Жаров, когда пишет, что «первые нормы, регулирующие перлюстрацию, были изложены в циркуляре министра внутренних дел от января 1883 г.», которым устанавливался «порядок извлечения информации из переписки лиц, находящихся под гласным надзором полиции»¹². Такой контроль был гласным, и лица, ему подвергавшиеся, знали о просмотре своей корреспонденции. Поэтому его невозможно признать перлюстрацией.

Повторим, что перлюстрация – это тайное вскрытие корреспонденции в нарушение официальных законов данной страны. Вместе с тем встает вопрос о законности перлюстрации в монархической России. Многие авторы, которые пишут о перлюстрации, применяют по отношению к ней в качестве синонимов эпитеты «тайная» и «незаконная», отмечая, что «перлюстрация писем была действием незаконным»¹³. Надо признать, что и автор данной книги в ранних своих статьях не избежал этого¹⁴. Но со строго юридической позиции такой подход неверен. Ряд арестованных, которым в 1917 году предъявлялось обвинение в ведении перлюстрации и руководстве ею, в частности бывший товарищ министра внутренних дел С.П. Белецкий, бывший министр внутренних дел Н.А. Маклаков, бывший начальник Особого отдела Департамента полиции МВД Е.К. Климович, отказывались признать себя виновными на допросах, которые проводила Чрезвычайная следственная комиссия для расследования противозаконных по должности действий бывших министров и прочих высших должностных лиц. Бывшие чиновники при этом ссылались на часть 1-ю статьи 340-й Уложения о наказаниях¹⁵. Данная статья гласила: «Не почитается превышением власти: 1) Когда министр или другой государственный сановник отступит в своих действиях от обыкновенных правил, по особенному на сей случай или вообще на случаи сего рода данному от Верховной власти уполномочию»¹⁶. Таким

⁹ Калмыков В. Цензурные штемпеля и печати России // Коллекционер: Сб. статей. Вып. 30. М., 1995. С. 40, 43.

¹⁰ Блануца В. «В канцелярии Иркутского губернатора просмотрено» // Филателия. 2008. № 2. С. 42–44.

¹¹ Российский государственный исторический архив [далее – РГИА]. Ф. 1282. Оп. 1. Д. 129. Л. 298–298 об.

¹² Жаров С.Н. Обеспечение законности агентурно-розыскных мероприятий в Российской империи // Правоведение. 2001. № 5. С. 195.

¹³ Соболева Т.А. История шифровального дела в России. М.: ОЛМА-пресс, 2002. С. 288; Гончарова Е.А. Система перлюстрации в России в конце XIX – начале XX в. // Вопросы истории. 2008. № 1. С. 96; Майшев С.Е. Развитие форм и методов осуществления политического контроля в России. 1880–1922 гг. Пенза: РИА на КМВ, 2009. С. 99; Перегудова З.И. Политический сыск России (1880–1917). М.: РОССПЭН, 2000. С. 276 – и др.

¹⁴ См., например: Измозик В.С. Российские чиновники «черных кабинетов» в начале XX в. // Россия в XIX – XX вв.: Сб. статей. СПб.: Д. Буланин, 1998. С. 218.

¹⁵ ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 1000. Л. 135–135 об., 151–152, 166–167.

¹⁶ Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. Издание 1885 г. и по продолжению 1912. Раздел V. О преступле-

образом, следует признать, что перлюстрация, проводившаяся на основе прямых распоряжений императора, являлась, как писали в секретных документах XIX века, «непроницаемой тайной», но была юридически законной с точки зрения абсолютной монархии.

Вместе с тем, как мне представляется, перлюстрация стала незаконной после издания Манифеста 17 октября 1905 года, которым российская монархия была ограничена. В этом плане любопытный обмен мнениями состоялся в ходе совещания под председательством Николая II по пересмотру Основных государственных законов в апреле 1906 года. На заседании 12 апреля обсуждалась глава «О правах и обязанностях российских подданных». В проекте Совета министров имелась статья 29-я: «Частная переписка не подлежит задержанию и вскрытию за исключением случаев, законом определенных». Председатель Государственного совета граф Д.М. Сольский задал вопрос: «Почему исключена... статья 29...?» Ему отвечал председатель Совета министров граф С.Ю. Витте: «Статья эта исключена потому, что при нынешней организации полиции, суда и сыскной части без этого нельзя обойтись». Его поддержал статс-секретарь Э.В. Фриш: «Несмотря на то, что всеми конституциями гарантирована тайна частной переписки, перлюстрация производится во всех странах, кроме, кажется, Англии». Им возражал министр юстиции М.Г. Акимов: «По-моему, этой статьи исключать не следует. Надо чтобы правительство не давало бы права на перлюстрацию. Судебные следователи сами этого не производят; на это они испрашивают разрешение суда. Во всех конституциях неприкосновенность частной переписки гарантирована и если этой статьи не будет, то скажут, что только в России такой гарантии нет». Последовала характерная реплика министра внутренних дел П.Н. Дурново: «Будет много жалоб на рванные конверты». Дискуссию прервал голос императора: «Далее». Обсуждение закончилось¹⁷. Таким образом, Основные законы ограниченной российской монархии не гарантировали соблюдения тайны переписки.

В свою очередь, перлюстрация, производившаяся на местах по соглашению жандармских офицеров и почтово-телеграфных чиновников, была всегда не только тайной, но и незаконной, хотя получала поддержку и одобрение высшего начальства, в том числе руководства Департамента полиции Министерства внутренних дел.

В результате конспиративное существование органов перлюстрации на основе секретных циркуляров, закрытость источников; стремление государства скрыть само существование этого института и нежелание упоминать о его деятельности даже в прошлом; преемственность царской и советской власти в этом вопросе – все это предопределило на протяжении длительного времени весьма ограниченное количество литературы по данной теме. До сих пор не существует ни одной монографической работы, посвященной истории «черных кабинетов» в России. Занимаясь этим сюжетом с 1996 года (первая моя публикация на данную тему, основанная на архивных источниках, была осуществлена в 1997 году), я решил предложить читателям такую книгу. Сразу отмечу, что не все сюжетные линии нашли здесь полное отражение. В частности, не удалось поработать с документами по ведению перлюстрации в Великом княжестве Финляндском до 1917 года и в Царстве Польском до 1867 года, когда «черный кабинет» в Варшаве был подчинен Петербургу. Нет сомнения, что история перлюстрации в России требует дальнейших исследований.

Моя искренняя благодарность редакторам И.А. Ждановой и А.В. Абашиной за помощь по превращению рукописи в готовый к изданию текст. Выражаю свою признательность за содействие и ценные указания коллегам – историкам и архивистам – А.А. Здановичу, В.А. Иванову, И.В. Лукоянову, И.С. Тихонову, В.Н. Хаустову. Буду благодарен всем, кто отклик-

ниях и проступках по службе государственной. Ст. 340. Ч. 1. / Сост. В.В. Волков, товарищ прокурора СПб. окружного суда. СПб., 1914. С. 290.

¹⁷ Протокол заседаний совещания под личным Е.И.В. председательством по пересмотру Основных государственных законов. 7, 9, 11 и 12 апреля 1906 года. СПб., б/д. С. 75–76.

нется после прочтения книги и поделится своими замечаниями, предложениями и размышлениями.

Введение

Библиография и источники

Начну с небольшого лирического отступления. Во все времена историк опирается не только на первоисточники, но и на труды своих предшественников и современников. Многие годы, занимаясь данной темой, я полагался, в частности, на статью А.Г. Брикнера «Вскрытие чужих писем и депеш при Екатерине II (перлюстрация)» – первую научную публикацию об истории перлюстрации в России. Эта статья практически полностью основана на дневнике А.В. Храповицкого, одного из статс-секретарей Екатерины II в 1783–1793 годах¹⁸. Брикнер в числе прочего писал: «В Записках Храповицкого, изданных в 1862 году, <...> очень часто встречается слово “перлюстрация”»¹⁹. Конечно, я знал, что записки Храповицкого впервые были опубликованы в 1820-е годы²⁰. Но был почти уверен, что из них изъяли все, относящееся до «непроницаемой тайны», как именовали перлюстрацию в официальных секретных документах. Поэтому в своих статьях я утверждал, что первые публикации о существовании перлюстрации в России появились после смерти Николая I, в условиях второй российской оттепели (первой, как известно, было вступление на престол Александра I). А наиболее ранним упоминанием о вскрытии частной переписки в России в конце XVIII века я считал записки сенатора И.В. Лопухина (1756–1816), опубликованные полностью впервые в 1860 году. Вспоминая о деле так называемых московских масонов, к которым он тогда принадлежал, Иван Владимирович отмечал, что их переписка просматривалась на Московском почтамте²¹.

Но привычка по возможности смотреть первоисточники победила. И тут меня ожидало маленькое, но замечательное открытие. Действительно, записки Храповицкого в 1820-е годы печатались с большими изъятиями, но все же двадцать один раз в четырнадцати номерах журнала прямо или косвенно упоминалось о перлюстрации²². Первая такая запись относилась к 23 января 1788 года, когда императрицей «при чтении перлюстрации сказано, что сменил рейс-эфенди [государственный канцлер и министр иностранных дел в Турции] и другой чиновник»²³. 13 июля 1788 года Храповицкий отметил, что «в перлюстрации все похваляют Грейга, отдавая честь его храбрости [речь идет о победе русского флота под командованием С.К. Грейга над шведами 6 (17) июля 1788 года у острова Гогланд]»²⁴. Последняя запись доказывала, что просмотру подвергалась почта не только иностранных дипломатов, но и россий-

¹⁸ Брикнер А. Вскрытие чужих писем и депеш при Екатерине II (перлюстрация) // Русская старина. 1873. Т. 7. № 1. С. 75–84.

¹⁹ Там же. С. 75.

²⁰ Памятные записки Александра Васильевича Храповицкого // Отечественные записки. 1821. № 16. С. 127–136; № 17. С. 309–327; 1822. № 21. С. 120–140; № 22. С. 304–323; № 24. С. 76–100; № 25. С. 166–193; № 26. С. 352–378; № 28. С. 194–215; № 30. С. 61–84; № 31. С. 167–178; № 32. С. 341–358; 1823. № 33. С. 59–79; № 35. С. 327–350; № 36. С. 38–60; № 41. С. 410–427; № 42. С. 73–95; № 44. С. 368–386; 1824. № 45. С. 47–65; № 49. С. 249–267; № 50. С. 394–413; № 54. С. 224–244; № 56. С. 495–506; 1825. № 57. С. 29–48; № 67. С. 179–200; № 68. С. 340–351; 1826. № 77. С. 396–411; 1827. № 89. С. 420–438; 1828. № 93. С. 146–161.

²¹ Записки некоторых обстоятельств жизни и службы действительного тайного советника, сенатора И.В. Лопухина, сочиненные им самим // Чтения в Обществе истории и древностей российских. 1860. Кн. 2. Ч. 2. С. 1–82. В том же году «Записки» вышли отдельным изданием в Москве, а также в Лондоне со вступительной статьей А.И. Герцена. Репринт последнего издания был опубликован в Москве в 1990 году.

²² Памятные записки Александра Васильевича Храповицкого // Отечественные записки. 1822. № 21. С. 134; № 22. С. 318; № 25. С. 173, 182, 185; № 26. С. 364, 372, 376; № 28. С. 198, 204, 210; № 30. С. 77; № 31. С. 171; № 32. С. 352; 1823. № 33. С. 61; № 36. С. 54; № 49. С. 249; № 54. С. 239; № 67. С. 180, 199; 1827. № 89. С. 425.

²³ Там же. 1822. № 21. С. 134.

²⁴ Там же. 1822. № 25. С. 172, 173.

ских подданных. Кроме того, из этой публикации было видно, что Екатерине II доставляли почту дипломатов даже союзных России держав. 31 августа 1788 года государыня отдала статс-секретарю «перлюстрацию с замечанием, что пребывающий здесь датский министр Сен-Сафоре врет много по финским делам и тем внушить может Двору своему ложное мнение»²⁵. Также читатель мог узнать, что сама императрица использовала перлюстрацию собственных писем иностранными «черными кабинетами» для достижения определенных целей. В частности, 20 октября 1788 года Екатерина II сказала, что «собственноручное письмо Нессельроду [граф В. Нессельроде – русский посол в Берлине при прусском дворе] для того без цифр [без шифра] по почте послано, чтоб везде его прочитали»²⁶. Таким образом, удалось установить, что первое упоминание в российской печати о практике перлюстрации произошло на тридцать восемь лет раньше, чем я предполагал.

В 1858 году о перлюстрации времен Екатерины II напомнил журнал «Библиографические записки». Здесь были помещены более полные, чем в 1820-е годы, выдержки из записок А.В. Храповицкого, посвященные Г.Р. Державину. Под датой «18 декабря 1791 года» автор отметил: «Со гневом у меня и у Турчанинова [П.И. Турчанинов – кабинет-секретарь императрицы в 1791–1793 годах] спрашивали, почему знает граф Кобенцель [Л. фон Кобенцель – в 1779–1800 годах посол Австрии в России], что Державину поручены мемории сената [Г.Р. Державин в декабре 1791 года стал статс-секретарем императрицы. Из-за болезни генерал-прокурора ему поручили просматривать кратко изложенные решения Сената и докладывать о них лично Екатерине II]. Он пишет о том в перлюстрации»²⁷. В следующем номере журнала, в статье о Н.И. Новикове упоминалось письмо архитектора В.И. Баженова из Петербурга московским друзьям, которое было доставлено государыне (в письме говорилось о добром отношении наследника престола к масонам). Автор статьи также заметил, что «письма Шрёдера [барон Ф.В. Шрёдер – основатель ордена розенкрейцеров] до Новикова не доходили»²⁸. Как я уже говорил, в 1862 году дневник личного секретаря Екатерины II А.В. Храповицкого был напечатан полностью. На многих его страницах содержались упоминания о чтении императрицей чужих писем как об одном из любимых и постоянных ее занятий²⁹.

В 1870 году начал издаваться (с предисловием известного историка П.И. Бартенева) многотомный «Архив князя Воронцова». В книгах первой и второй публиковались бумаги графа М.И. Воронцова, и любознательный читатель мог найти в них немало интересного о перлюстрации при Елизавете Петровне, в частности о деле маркиза Шетарди³⁰. В 1873 году эту тему, как указано выше, продолжил историк А.Г. Брикнер. Наконец, в 1874 году в журнале «Русская старина» была напечатана переписка «московских масонов», подвергшаяся перлюстрации при Екатерине II³¹.

Злую пародию на практику перлюстрации нарисовал М.Е. Салтыков-Щедрин в повести «Помпадуры и помпадурши»³². Н.С. Лесков, изобразив «почтового люстратора» в повести «Смех и горе» и напомнив о нем же в газетной статье «Нескладица о Гоголе и Костомарове (историческая поправка)», эзоповым языком рассказал читателям о практике перлюстрации

²⁵ Там же. 1822. № 28. С. 198.

²⁶ Там же. 1822. № 31. С. 172.

²⁷ Библиографические записки. 1858. № 5. С. 139.

²⁸ Афанасьев А. Николай Иванович Новиков // Библиографические записки. 1858. № 6. С. 175.

²⁹ Памятные записки А.В. Храповицкого, статс-секретаря императрицы Екатерины Второй. С примечаниями Г.Н. Геннади // Чтения в Обществе истории и древностей российских. 1862. Кн. 2. С. 1–176; Кн. 3. С. 177–294.

³⁰ Архив князя Воронцова. Кн. 1. М., 1870; Кн. 2. М., 1871; Кн. 4. М., 1872.

³¹ Русские вольнодумцы в царствование Екатерины II: Секретно-вскрытая переписка. 1790–1795 // Русская старина. 1874. Т. 9. № 1. С. 57–72; № 2. С. 258–276; № 3. С. 465–472.

³² Салтыков-Щедрин М.Е. Собр. соч. Т. 8. М., 1969. С. 247.

в Киеве в 1850-е годы³³. Сталкивался с практикой вскрытия писем при Александре I и достаточно подробно написал об этом в 1829 году друг А.С. Пушкина, поэт, впоследствии товарищ министра народного просвещения и начальник Главного управления цензуры П.А. Вяземский. Его «Записка о князе Вяземском, им самим составленная» была передана через В.А. Жуковского начальнику III Отделения и шефу Корпуса жандармов А.Х. Бенкендорфу для Николая I и опубликована в 1879 году под названием «Моя исповедь»³⁴.

В 1882–1883 годах Н.Ф. Дубровин опубликовал переписку российских государственных деятелей за 1801–1829 годы, а также письма политиков, генералов и английских дипломатических агентов при русской армии в период Отечественной войны 1812 года и заграничных походов. Читатели могли найти здесь немало прямых и косвенных упоминаний о перлюстрации частной и дипломатической корреспонденции в царствование Александра I³⁵.

Упоминания о перлюстрации можно было найти и в тех письмах известных россиян, которые публиковались во второй половине XIX века в различных исторических журналах³⁶.

Роль перлюстрации в деле маркиза Шетарди, разразившемся в 1744 году, показал В.А. Бильбасов в берлинском издании «Истории Екатерины Второй» (1900), подвергнув критическому рассмотрению официальную версию этого события³⁷. Одновременно о работе «черных кабинетов» в конце XVIII – начале XIX века упомянул Н.К. Шильдер в своих монографических исследованиях о Павле I и Александре I³⁸. В последующие годы появилось еще несколько публикаций, посвященных отдельным эпизодам или сюжетам из деятельности «черных кабинетов» в России. Например, Я.Л. Барсков подробно описал дело «московских масонов», опубликовав и секретные ранее донесения московского генерал-губернатора А.А. Прозоровского, а также московского почт-директора И.Б. Пестеля о перлюстрации переписки участников кружка³⁹.

Все эти работы и публикации документов ограничивались временем до начала второй четверти XIX века и создавали иллюзию, что подобные действия власти остались лишь памятником истории. Тот же А.Г. Брикнер заканчивал свою статью о перлюстрации во времена Екатерины II фразой, что «в настоящее время такое учреждение едва ли могло бы иметь такую важность»⁴⁰. В некоторых публикациях делались лишь намеки на существование перлюстрации и в дальнейшем, например при Николае I⁴¹. Даже в своих дневниках деятели, имевшие прямое отношение к этой тайне, практически не упоминали о ней. Так, П.А. Валуев, министр внутренних дел в 1861–1868 годах, проговорился в дневнике лишь однажды – 7 марта 1868 года он записал о своем преемнике А.Е. Тимашеве, что тот «предпочитает преимущества, которые дает черный кабинет, тем многочисленным и беспрестанным неудобствам, кото-

³³ Лесков Н.С. Смех и горе // Лесков Н.С. Собр. соч.: В 12 т. Т. 5. М., 1989. С. 137 [впервые опубликовано в 1871 году в № 1–3, 8–16 «Современной летописи» – приложения к журналу «Русский вестник»]; *Он же*. Нескладица о Гоголе и Костомарове (историческая поправка) // Петербургская газета. 1891. 16 июля. № 192. С. 1–2.

³⁴ Вяземский П.А. Моя исповедь // Вяземский П.А. Полн. собр. соч. Т. 2. СПб., 1879. С. 105.

³⁵ Дубровин Н.Ф. Отечественная война в письмах современников (1812–1815 гг.). СПб., 1882 [репринтное издание: М., 2006]; *Он же*. Письма главнейших деятелей в царствование императора Александра I (1807–1829 гг.). СПб., 1883 [репринтное издание: М., 2006].

³⁶ См.: Письма Д.В. Давыдова к Н.Н. Раевскому // Русский архив. 1879. Кн. 2. С. 333–334; Письма митрополита Киевского Евгения (Болховитинова) к В.Г. Анастасевичу // Там же. 1889. Кн. 2. С. 385; Выписка из письма бывшего иркутского губернатора Трескина к коллежскому советнику Трескину в Москву 25 февраля 1826 г. // Русская старина. 1897. Т. 90. № 4. С. 27–28.

³⁷ Бильбасов В.А. История Екатерины Второй. Т. 1–2. Берлин, 1900.

³⁸ Шильдер Н. Император Александр I. Т. II. СПб., 1897; *Он же*. Император Павел I. СПб., 1901.

³⁹ Барсков Я.Л. Переписка московских масонов XVIII-го века. 1790–1792 гг. Пг., 1915; Дневник статс-секретаря Григория Ивановича Вилламова // Русская старина. 1912. Т. 149. № 1. С. 38.

⁴⁰ Брикнер А. Вскрытие чужих писем и депеш при Екатерине II. С. 84.

⁴¹ Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. XXIII. СПб., 1898. С. 328–329; Проект графа А. Бенкендорфа об устройстве высшей полиции // Русская старина. 1900. Т. 105. № 12. С. 615.

рые связаны с делами прессы»⁴² (Тимашев стремился передать периодическую печать из ведения МВД в Министерство народного просвещения). В этом плане удивительна публикация рассказов бывшего канцлера А.М. Горчакова, записанных М.И. Семеvским весной 1882 года в Ницце. Они были напечатаны в журнале «Русская старина» в 1883 году. Горчаков весьма откровенно вспоминал о практике перлюстрации при Александре II. В частности, он указывал, что особо «расположены были к перлюстрации, находя, что она вызывается государственной необходимостью», князь В.А. Долгоруков (начальник III Отделения и шеф Отдельного корпуса жандармов в 1856–1864 годах) и И.М. Толстой (директор Почтового департамента МВД с 1 января 1863 года, затем, с 15 июня 1865-го по 1866 год, министр почт и телеграфов). Бывший министр иностранных дел признался, что в его ведомстве «подбирали и подыскивали все ключи к дешифрованию писем». По его словам, мысль «о бесполезности и вреде вскрытия чужих писем» отстаивали он сам и граф П.А. Шувалов (начальник III Отделения и шеф Отдельного корпуса жандармов в 1866–1874 годах). Правда, воспоминания заканчивались на оптимистической ноте. Горчаков уверял, что в конце царствования Александра II «перлюстрированные письма уже не восходили до его величества», а «вслед затем, – вскрытие писем, так мне говорили, брошено и, как надо надеяться, навсегда»⁴³. Безусловно, последние фразы едва ли могли ввести в заблуждение думающего читателя.

О том, что Александр II лично читал перлюстрированные письма, упоминалось в журнале «Русская старина» в 1891 году. Генерал-майор М.Л. Дубельт, сын Л.В. Дубельта, управлявшего III Отделением в 1839–1856 годах, вспоминал о вызове к императору в 1862 году. Государь спросил его как командира Отдельного кавалерийского корпуса, каково его мнение о начальнике 4-й кавалерийской дивизии генерале С. в «политическом отношении». Дело в том, что генерал написал в письме фразу: «Все мы имеем недостатки, но у нашего государя их гораздо более, чем у кого-либо другого». В ответ на слова Дубельта, что это недоразумение, Александр II воскликнул: «Я сам читал это письмо» – и добавил, что уже приказал военному министру Д.А. Милютину снять С. с должности. Дубельт попросил дать ему возможность разобраться в происшедшем и получил согласие. В результате выяснилось, что письмо написал сын генерала, поручик Белорусского гусарского полка. Молодой офицер был уволен в отставку, а его отец продолжил командовать дивизией⁴⁴. Судя по всему, речь шла о командире 4-й кавалерийской дивизии в 1858–1875 годах, прославленном боевом генерал-лейтенанте Н.А. Столпакове⁴⁵.

Известны случаи, когда о перлюстрации упоминали газеты. Например, «Саратовский дневник» в начале 1895 года опубликовал заметку «Нижегородская жизнь». Здесь, в частности, говорилось: «...по просьбе г. начальника губернии [Н.М.] Баранова в Нижнем [Новгороде], ввиду предстоящей выставки, открыто, по примеру столиц, охранное отделение для контроля за почтовой корреспонденцией и надзора за внутренним порядком города. <...> Персонал служащих очень велик и часть его уже начала свои занятия в нижегородской почтовой конторе»⁴⁶. Через три недели газета вновь обратилась к этому сюжету, сообщив, что один из обывателей Нижнего получил письмо с вложенной фотографией гусарского офицера вместо посланной ему фотографии племянницы. Одновременно в другой семье получили из другого города письмо с фото незнакомой барышни. О таком «небрежном исполнении своих служебных обязанностей чиновниками, контролирующими почтовую корреспонденцию в виду предстоящей выставки, доведено, по слухам, до их непосредственного начальства». Заканчивалась заметка многозна-

⁴² Дневник П.А. Валуева, министра внутренних дел. Т. 2. 1865–1876. М.: АН СССР, 1961. С. 252.

⁴³ Князь Александр Михайлович Горчаков в его рассказах из прошлого // Русская старина. 1883. Т. 40. № 10. С. 175–176.

⁴⁴ Император Александр Николаевич. Черты из его жизни // Русская старина. 1891. Т. 70. № 6. С. 723–725.

⁴⁵ Список генералам по старшинству. СПб., 1862. С. 299.

⁴⁶ Саратовский дневник. 1895. 20 января. № 16. С. 3. Н.М. Баранов – нижегородский губернатор в 1882–1897 годах. Всероссийская выставка проходила с мая по ноябрь 1896 года.

чительной фразой: «Факты в этом роде у нас нередки»⁴⁷. Естественно, что большего подцензурная печать до 1906 года сказать не могла. И без того министр внутренних дел 15 марта 1895 года приостановил издание газеты на четыре месяца⁴⁸.

В этой связи неудивительно, что, к примеру, известный историк Н.К. Шильдер, располагая значительным числом перлюстрированных писем первой половины XIX века, использовать их в своих трудах не смог⁴⁹.

Гораздо свободнее о «черных кабинетах» в Российской империи писали зарубежные и нелегальные издания. В изданной в Париже в 1854 году книге Лакруа «*Les Mystères de la Russie*» имелся следующий пассаж:

Почтовая тайна есть чистейшая фикция. Никакая печать не священна для русской полиции. И это признается [полицией] громко, гласно, как самая простая вещь. Частные люди, даже знать, иногда прямо боятся получать письма, иначе, как по почте, именно оттого, что почта, по крайней мере, прочитывает и цензурирует письма, а если получишь через посыльного, то там вдруг окажется что-нибудь неблагонадежное! Даже слуги великой княгини Елены Павловны [с 1849 года вдова великого князя Михаила Павловича] убоялись как-то принять письмо, посланное ей англичанином Рексом не по почте, а через лакея⁵⁰.

В 1858 году эта тема была затронута в газете «Колокол», издававшейся А.И. Герценом в Лондоне, – в заметке «Что значит суд без гласных»⁵¹. В 1860 году тот же «Колокол» опубликовал весьма конкретные сведения о «черном кабинете» в столице (в разделе «Смесь» появилась заметка о службе перлюстрации на Петербургском почтамте)⁵². Через несколько месяцев «Колокол» продолжил данную тему⁵³.

⁴⁷ Там же. 1895. 10 февраля. № 30. С. 3.

⁴⁸ Периодическая печать и цензура Российской империи в 1865–1905 гг. Система административных взысканий: Справочное издание / Сост. Н.Г. Патрушева. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 207.

⁴⁹ Отдел рукописей Российской национальной библиотеки [далее – ОР РНБ]. Ф. 859. К. 7. № 7. Л. 54; К. 40. № 17. Л. 49–50 об., 117, 190, 302–304.

⁵⁰ См.: Абакумов О.Ю. «Самая непроницаемая тайна» (О перлюстрации в России в середине XIX в.) // Освободительное движение в России: Межвузовский сб. научных трудов. Вып. 19. Саратов, 2001. С. 14.

⁵¹ Колокол. Лист 7. 1 января 1858 // Колокол. Вып. I. 1857–1858. М.: АН СССР, 1962. С. 56.

⁵² Колокол: Прибавочные листы к «Полярной звезде». 1860. 15 июня. № 73/74. С. 620–621. **Ульрихс** Федор Юльевич. Окончил Московский университет. Служба: в МИДе с 1827 года, в Санкт-Петербургском почтамте [далее – СПб. почтамт] с 29 августа 1829 года. Цензор СПб. почтамта. Управляющий цензурой и секретной экспедицией СПб. почтамта. Действительный статский советник [далее – д.с.с.] с 16 апреля 1850 года, тайный советник (1861). **Вейраух** Федор (Фридрих-Вильгельм) Яковлевич (8 ноября 1757 года, Ревель – 1 февраля 1838-го, Санкт-Петербург). В службе с 1776 года. В почтовом ведомстве с 1782 года. С 1783 года секретарь Рижского почтамта. С 1790-го – помощник рижского почтмейстера. Рижский почтмейстер. Занимался перлюстрацией. Д.с.с. (1829). С 17 февраля 1812 года в СПб. почтамте, в 1831-м – чиновник, знающий иностранные языки, в 1860-м – старший цензор. Д.с.с. **Витте** Петр Христианович. С 1861 года – д.с.с., затем старший цензор Санкт-Петербургской цензуры иностранных газет и журналов. **Гольмблат** Франц Юлианович – старший цензор СПб. почтамта, д.с.с. В отставке с 1 мая 1875 года. **Домбровский** Александр Михайлович – цензор, статский советник. **Маснер** Павел Францевич. В почтовой службе с 10 июня 1841 года. Д.с.с., младший цензор СПб. почтамта. В отставке с 11 марта 1877 года. **Прокофьев** Иван Кузьмич. В почтовой службе с 3 сентября 1833 года. Чиновник, знающий иностранные языки, СПб. почтамта. Надворный советник. Занимался перлюстрацией. **Шор** Владимир Федорович (? – 4 января 1886 года). Сын лютеранского пастора. Реформатского вероисповедания. Образование: Московский университет, филологический факультет (1842). Служба: канцелярский служитель СПб. почтамта с 1842 года, чиновник, знающий иностранные языки, там же с 18 декабря 1842 года, старший цензор СПб. почтамта с 19 апреля 1864 года, почт-директор СПб. почтамта с 1868 года. Руководил перлюстрацией в Российской империи. **Штер** Дмитрий Андреевич – в первой половине 1870-х годов младший цензор, статский советник. Все они занимались перлюстрацией. Замечу, что в «Адрес-календарях» 1860-х годов А.М. Домбровский, П.Ф. Маснер (Маснер), И.К. Прокофьев и Д.А. Штер не упоминаются. Они, кроме И.К. Прокофьева, указаны в справочниках лишь начиная с 1871 года. Тем более удивляет точность информации в «Колоколе».

⁵³ Там же. 1860. 1 декабря. № 86. С. 720. А.М. Домбровский и В.Ф. Шор не оставили своих занятий, как предполагала газета.

В 1861 году в Париже вышла книга эмигранта князя П.В. Долгорукова «Правда о России». Касаясь интересующей нас темы, он, в частности, писал о так называемой «инициативной» перлюстрации, т. е. организуемой отдельными администраторами:

Осенью 1859 года, начальник гвардейского штаба граф Эдуард Баранов [Э.Т. Баранов – начальник штаба Отдельного гвардейского корпуса в 1856–1866 годах], именем командира гвардейского корпуса генерала [Ф.С.] Панютина, тайным циркуляром предписал полковым командирам, *чтобы они наблюдали за перепискою нижних чинов с их семействами, и объявил, что ротные и эскадронные командиры будут отвечать за распространение перепискою нижних чинов каких бы то ни было ложных и вредных слухов* [курсив мой. – В.И.], т. е. требовал от генералов и офицеров гвардейского корпуса, чтобы они распечатывали письма... Если бы правительство русское одарено было разумом и истинным просвещением, то оно поняло бы, что не узнать ему истины через распечатывание писем, потому что в России одни дураки пишут истину по почте⁵⁴.

В июле 1903 года в журнале «Освобождение», выходившем в Штутгарте под редакцией П.Б. Струве, была помещена заметка «Черный кабинет и его щупальчики». Анонимный автор довольно точно описывал деятельность такого учреждения при Петербургском почтамте. Сведения, судя по их содержанию, были получены явно от кого-то из почтовых чиновников, хотя и не имевшего прямого отношения к этой деятельности⁵⁵.

Множество публикаций о перлюстрации появилось в российской печати после 1905 года – с отменой предварительной цензуры. В августе 1906 года в газете «Товарищ» была напечатана за подписью «П.Ч.» статья «Перлюстрация в России» (видимо, «П.Ч.» – это «почтовый чиновник»). Здесь сообщалась в высшей степени точная информация, а именно: что перлюстрация производится в «черных кабинетах», «действующих под вывеской цензуры иностранных газет и журналов»; что ее руководителем является старший цензор Санкт-Петербургского почтамта; давались сведения о примерном количестве сотрудников «черных кабинетов», перечислялись их официальные должности, называлось их негласное жалованье; указывалось примерное количество общих выписок в течение года и представляемых министру внутренних дел. За исключением Киева, были названы все действующие пункты: Санкт-Петербург, Москва, Варшава, Казань, Одесса, Тифлис, Харьков. Единственная грубая ошибка заключалась во фразе, что якобы в «черные кабинеты» передается «вся простая и заграничная корреспонденция»⁵⁶. Выскажу предположение, что автором статьи или человеком, давшим материал для нее, был Л.П. Меньщиков, знаменитый сотрудник Московского охранного отделения и Департамента полиции с 1889 года, ушедший в отставку 1 февраля 1907 года. Открыто выступать с разоблачениями провокаторов и раскрывать секретную деятельность ДП Меньщиков начал в 1909 году, но еще осенью 1905-го он передал эсерам так называемое петербургское письмо, в котором указывал на Е.Ф. Азефа и Н.Ю. Татарова как на провокаторов. Именно Меньщиков в ДП тесно соприкасался с материалами перлюстрации⁵⁷. Тем не менее эта публикация не имела серьезного резонанса – о ней не вспоминали даже те журналисты, которые впоследствии писали на данную тему.

В 1908 году издававшийся в Париже журнал «Былое» напечатал воспоминания бывшего чиновника Департамента полиции М.Е. Бакая «О черных кабинетах в России». Здесь назывались конкретные фамилии чинов Департамента полиции и Главного управления почт и теле-

⁵⁴ Долгоруков П.В. Правда о России. Ч. 1–2. Париж, 1861. С. 153–154.

⁵⁵ Освобождение. 1903. 2 (15) июля. № 2. С. 32.

⁵⁶ Товарищ (СПб.). 1906. 24 августа. № 43. С. 4.

⁵⁷ Бакушин А.Ю. Одиссея Леонида Меньщикова, или Азеф наоборот // Отечественная история. 2004. № 5. С. 162–177.

графов, занимающихся этой секретной работой: И.А. Зыбина, В.Н. Зверева, П.К. Бронникова, Ф. фон Кребса, давалась психологическая характеристика Бронникова⁵⁸. Одновременно обвинения в адрес почтового ведомства в нарушении тайны переписки прозвучали на первой сессии III Государственной думы: 3 апреля 1908 года в прениях по докладам представителя бюджетной комиссии Думы К.К. Черносвитова и начальника Главного управления почт и телеграфов М.П. Севастьянова эту тему затронули Т.О. Белоусов (социал-демократ, Иркутская губерния), Н.С. Розанов (трудолик, Саратовская губерния) и А.И. Шингарев (кадет, Воронежская губерния). Севастьянов все отрицал, клятвенно уверяя законодателей, что выемка частной корреспонденции проводится лишь на основании официально утвержденных законов. На защиту правительства встал один из лидеров правых – В.М. Пуришкевич⁵⁹.

Результатом этих дебатов в Думе и издания материалов М.Е. Бакая стала публикация статьи «Охранка и черные кабинеты» в партийном журнале социалистов-революционеров «Революционная мысль», выходившем в Лондоне. Автор статьи А. Аринов писал: «В нашем распоряжении имеется обширный материал об этом “мифе” [так назвал утверждение о существовании “черных кабинетов” М.П. Севастьянов]», но пока он готов сообщить только часть сведений. В сжатой форме было приведено немало важных фактов. Говорилось, что в Варшаве, Петербурге, Москве, Одессе перлюстрацией занимаются чиновники цензуры иностранных газет и журналов при почтамтах, что в их распоряжение еще до сортировки поступает «абсолютно вся корреспонденция». Просмотру, сообщал автор, «подвергаются как подозрительные по внешности письма, так и те, которые внесены в алфавит по предписаниям Департамента полиции, губернаторов, охранных отделений и пр. [очих] должностных лиц и официальных учреждений. С писем, заслуживающих особого внимания, снимаются копии и отсылаются в те учреждения, которых это касается и обязательно в Департамент полиции». Отмечалось, что проводится перлюстрация писем «представителей иностранных держав, государственных деятелей, любовниц высокопоставленных лиц». Наиболее успешными автор считал «черные кабинеты» в Петербурге и Варшаве и указывал, что «руководителями в первом является цензор П.К. Бронников [что было ошибкой], а во втором – [Ф.Г.] фон-Кребс».

Далее рассказывалось о работе по перлюстрации в стенах Департамента полиции, где «специалистом подделок всевозможных почерков... является чиновник... [В.Н.] Зверев», «специалистом по разбору шифров... чиновник [И.А.] Зыбин», а «общее... заведывание перлюстрацией» (в ДП) лежит «на чиновнике для поручений... [В.Д.] Зайцеве». Отмечалось, что из ДП «копии подозрительных писем рассылаются по жандармским управлениям и охранным отделениям для выяснения авторов и адресатов... и установления за ними надзора и ареста».

Наконец, приводился образец так называемого открытого листа от 14 июня 1903 года за подписью начальника Главного управления почт и телеграфов. Такой лист выдавался начальникам губернских жандармских управлений и охранных отделений на право выемки писем и телеграмм подозрительных лиц. Надо отметить, что, несмотря на вполне понятную неполноту и отдельные неточности (утверждения, что в распоряжение «черных кабинетов» при почтамтах «еще до сортировки поступает абсолютно вся корреспонденция», что «черные кабинеты» «существуют в большинстве русских городов»), материал в целом обладал высокой степенью достоверности. Журнал публиковал обещание продолжить эту тему⁶⁰.

В последующих номерах «Революционной мысли», в так называемой «Черной книге русского освободительного движения», где приводились фамилии осведомителей и провока-

⁵⁸ Бакай М.Е. Из воспоминаний: О черных кабинетах в России // Былое (Париж). 1908. № 7. С. 119–133.

⁵⁹ Государственная дума. Третий созыв: Стенографические отчеты. 1908 год. Сессия 1. Ч. 2. Заседание 48-е. СПб., 1908. Стб. 1713–1715, 1720–1721, 1723, 1725, 1727.

⁶⁰ Революционная мысль. 1908. Апрель. № 1. С. 10–11. Вейраух И.Ф. (1785–?). С 5 марта 1810 года служил в Рижской почтовой конторе, с 17 февраля 1812-го – в секретной части Санкт-Петербургского почтамта. С 1 января 1831 года – чиновник, знающий иностранные языки. С 11 апреля 1849-го – старший цензор.

торов, были названы имена В.Н. Зверева, И.А. Зыбина, П.К. Бронникова и В.И. Кривоша с указанием рода их деятельности. Например, о последнем говорилось следующее: «Кривош Владимир Иванов, цензор иностранных газет и журналов при государственной типографии в Санкт-Петербурге; – состоит постоянным переводчиком при Департаменте полиции документов, отбираемых у революционеров по обыскам»⁶¹.

В Государственной думе к этому вопросу вернулись, как обычно, при обсуждении бюджета Главного управления почт и телеграфов – на второй сессии второго созыва, 26 февраля 1909 года. Депутат М.В. Захаров 2-й, социал-демократ, цитировал свидетельства М.Е. Бакая. Его поддержали кадет К.К. Черносвитов и трудовик К.М. Петров 3-й. М.П. Севастьянов опять все отрицал⁶². История повторилась на пятой сессии Думы третьего созыва, когда 9 апреля 1912 года кадет Черносвитов обвинил почтовое ведомство в ведении перлюстрации в интересах охраны⁶³. Этому предшествовала заметка «Черный кабинет» в газете «Утро России». Здесь был описан скандал в городе Онеге Архангельской губернии. Ссылный студент Политехнического института Давидянц обвинил в присутствии свидетелей начальника почтово-телеграфной конторы Павлова в том, что тот вскрывает и читает чужие письма. Павлов обвинил студента в клевете. Дело слушалось у мирового судьи 29 февраля 1912 года. Свидетельница Худатова рассказала, что получила закрытое письмо из-за границы на двух художественных открытках без начала. На следующий день почтальон доставил ей начало письма еще на двух открытках без штемпеля и адреса. В суде говорили, что все письма, адресованные ссылкой, собирались отдельно и передавались Павлову. Судья оправдал Давидянца⁶⁴. 24 сентября того же года газета «Новости дня» (Владивосток) перепечатала информацию из газеты «Голос Москвы»:

Деятельность «черного кабинета»

В последнее время деятельность так называемого «черного кабинета» в почтовом ведомстве, занимающегося перлюстрацией писем, достигла небывалой интенсивности. «Г. [олос] М. [осквы]» сообщает, что установлено самое строгое наблюдение за корреспонденцией некоторых лиц даже из числа принадлежащих к составу только что распущенной Г. [осударственной] Думы. Полученные ими письма носят явные следы произведенной над ними перлюстрации; бесцеремонность перлюстраторов доходит до того, что даже письма, запечатанные сургучной печатью, вскрываются, для чего попросту ломается печать⁶⁵.

На первой сессии IV Думы, 21–22 мая 1913 года, этот вопрос вновь встал при обсуждении доклада бюджетной комиссии по смете МВД. Кадет Н.А. Гладыш, в частности, сказал: «Затем является чрезвычайно характерным в нашем почтово-телеграфном ведомстве... большой интерес к тайне частной переписки, на свет не хватает денег, не развивают телеграфа и телефона, а на всевозможные усовершенствования для лучшего просмотра частной переписки – на это есть деньги...». Его поддержал прогрессист М.И. Гродзицкий. На следующий день тему продолжили социал-демократ, большевик М.К. Муранов и трудовик В.И. Дзюбинский. Муранов подчеркнул, что «Главное управление почт и телеграфов обращается, таким образом, в филиальное отделение охраны»⁶⁶. Дебаты в Думе нашли отражение в периодиче-

⁶¹ Там же. 1908. Сентябрь. № 3. С. 13; Декабрь. № 6. С. 13.

⁶² Государственная дума. Третий созыв: Стенографические отчеты. 1909 год. Сессия 2. Ч. 2. СПб., 1909. Стб. 2514–2516, 2527–2528, 2532–2533, 2554–2555.

⁶³ Там же. 1912 год. Сессия 5. Ч. 3. СПб., 1912. Стб. 1636–1637.

⁶⁴ Утро России. 1912. 13 марта. № 60. С. 6.

⁶⁵ Новости дня (Владивосток). 1912. 24 сентября. № 28. С. 2.

⁶⁶ Государственная дума. Четвертый созыв: Стенографические отчеты. 1913 год. Сессия 1. Ч. 2. СПб., 1913. Стб. 1973–

ской печати. В частности, газета «Русская молва», сообщив о речи Муранова, тут же взяла интервью у начальника Главного управления почт и телеграфов М.П. Севастьянова, который категорически отрицал «сам факт существования этих кабинетов»⁶⁷.

Любопытно, что полемика в Государственной думе на данную тему следовала в те годы за публикациями оппозиционной печати или даже предшествовала им. Так, через месяц с небольшим после выступления депутатов в Думе в мае 1913 года общественное мнение было взбудоражено огромной статьей в газете «Утро России» под названием «Перлюстрация»⁶⁸. Она состояла из двух частей. Первая – «Перлюстрация» – была подписана псевдонимом «Независимый» с указанием даты и места: 26 июня 1913 года, Нью-Йорк. Вторая – «Перлюстрационный список» – содержала имена более пятидесяти человек, чья переписка подлежала просмотру с 1894 года. Среди них были общественные деятели, титулованные особы и иностранцы: писатели и публицисты Н.Ф. Анненский, В.Г. Короленко, С.Н. Кривенко, С.Н. Южиков, социал-демократ и исследователь сектантского движения В.Д. Бонч-Бруевич, врачи А.А. Герцен (сын А.И. Герцена) и Ф.Ф. Эрисман, врач Л.Н. Толстого Д.П. Маковицкий, известный журналист правой газеты «Новое время» М.И. Меньшиков, историк и лидер кадетской партии П.Н. Миллюков, один из бывших руководителей Департамента полиции П.И. Рачковский, известный экономист М.И. Туган-Барановский, активный деятель кадетской партии князь Д.И. Шаховской и др.

В первой части статьи давался краткий исторический обзор практики перлюстрации в России начиная с эпохи Екатерины II. Затем автор переходил к состоянию дел в этой области в начале XX века. Он констатировал, что перед ним «лежат сотни бумаг», имеющих стереотипный заголовок: например, «копия письма за подписью В.А. Маклакова Л.Н. Толстому от 15 сентября 1898 г.». Здесь же подробно рассказывалось о забавных казусах: о том, как А.А. Лопухин, будучи директором Департамента полиции, приводил в порядок бумаги убитого в 1904 году В.К. Плеве и наткнулся на копии адресованных ему же, Лопухину, писем; о факте слежки за перепиской знаменитого организатора филерской службы Е.П. Медникова – эту слежку установили по распоряжению Плеве, который желал обезопасить себя таким образом от происков уволенного С.В. Зубатова, и т. п.⁶⁹

Статья получила широкий резонанс. На нее отозвались многие крупные российские газеты: «Биржевые ведомости», «Гражданин», «День», «Дым Отечества», «Речь», «Руль», «Русская молва», «Русское слово», «Современное слово», «Сын Отечества» и др. Они сообщали о содержании статьи, давали свои комментарии, приводили дополнительные сведения на эту тему. Например, князь В.П. Мещерский с обычной для него экспрессией утверждал, что «г. Независимый понятия не имеет о предмете, который он трактует», подчеркивал, что удивляться этому не надо, а «перлюстрация стара, как политическая жизнь», и в Петербургском почтамте «целый департамент этим делом занят». Он же вспоминал, что якобы его дядя, сенатор В.Н. Карамзин, в письме князю Д.А. Оболенскому допустил колкости в адрес императрицы Марии Александровны, жены Александра II. Императрица заметила Оболенскому: «Скажите Вашему другу Карамзину, чтобы он лучше говорил колкости обо мне, чем писал». В «Современном слове» напоминали о заметке от 1904 года об устройстве «черного кабинета» в Варшавском почтамте и делали общий вывод, что «без всеобщего коренного правового обновления наши письма и телеграммы будут всегда служить объектом махинаций перлюстрационного учреждения»⁷⁰. В переводе на литовский язык статья «Перлюстрация», получив

1974, 2011–2014, 2034–2035.

⁶⁷ Русская молва. 1913. 23 мая. № 159. С. 3–4.

⁶⁸ Утро России. 1913. 4 июля. С. 4–5.

⁶⁹ Там же. С. 4–5.

⁷⁰ Гражданин. 1913. 7 июля. № 27. С. 15; День. 1913. 6, 7, 8, 25 июля; Дым Отечества. 1913. 11 июля; Биржевые ведомости. 1913. 4 июля. № 13631. С. 2 [вечерний выпуск]; 5, 9, 10 июля [утренний выпуск]; 16 июля; Речь. 1913. 5 июля. № 180. С. 1;

название «Черные кабинеты», была опубликована в газете «Литовские известия», выходившей в Вильно⁷¹.

Начальник Главного управления почт и телеграфов М.П. Севастьянов в новом интервью газете «Русское слово» в очередной раз пытался отрицать наличие «черных кабинетов и перлюстрационных отделений при Главном Управлении»⁷². Газета «Речь» так прокомментировала его ответ: «Опровержение это своей наивностью вызвало всеобщую веселость»⁷³. А газета «Утро России» опубликовала новую статью – «Еще о перлюстрации» – за подписью того же «Независимого»⁷⁴. Неустановленный автор ссылаясь, без упоминания источника, на публикацию в журнале «Освобождение» и рассказ М.Е. Бакая, приводил новые фамилии лиц, чья переписка перлюстрировалась. Список этот был весьма обширен: отслеживались письма Л.Н. Толстого жене, С.А. Толстой, режиссера В.Э. Мейерхольда – А.П. Чехову, священника и общественного деятеля Г.С. Петрова – редактору газеты «Русское слово» Ф.И. Благову, профессора С.А. Котляревского – историку В.И. Герье и т. д.

Из содержания статьи видно, что автор имел в своем распоряжении подлинники или копии секретной переписки, связанной с перлюстрацией. Например, приводился текст телеграммы начальнику Иркутского губернского жандармского управления: «Девятого отправлено в Иркутск. По адресу: дом Кузнецова, доверенному фирмы Кузнец – Рогальскому, серьезное конспиративное письмо. Примите меры к осторожному, совершенно негласному выяснению действительного получателя для учреждения неотступного наблюдения за ним». Тут же отмечалось, что в тексте слова «Иркутск» и «Рогальскому» подчеркнуты волнистой линией. Наконец, автор ссылаясь на дополнительные публикации в газетах «День» и «Биржевые ведомости»⁷⁵. Поиски автора, предпринятые по указанию министра внутренних дел Н.А. Маклакова, результата не дали. Подозревали В.И. Кривоша, который вынужден был после скандала, связанного с присвоением денежных сумм, подать в отставку с 1 декабря 1911 года⁷⁶. По косвенным данным можно предположить, что автором опять же был Л.П. Меньшиков. (Он, кстати, с 1911 года жил в Нью-Йорке и уехал в Париж в июне 1913-го.) Эта версия тогда же появилась в печати⁷⁷. Начальник Московского охранного отделения А.П. Мартынов докладывал в Особый отдел ДП 29 июля 1913 года, что, по агентурным сведениям, статья «Перлюстрация» была предложена Меньшиковым газете через А.В. Руманова (с 1907 года заведующего петербургским отделом московской газеты «Русское слово»)⁷⁸.

Публикация «Еще о перлюстрации» породила новые отклики. «Русское слово» цитировало заявление В.Л. Бурцева из Парижа, что он посылал номера журнала «Былое», издававшегося в то время за рубежом, многим высокопоставленным лицам заказными письмами, но они были возвращены ему обратно с официальной надписью о невручении как «содержащие запрещенные издания». Естественно, поставить такой штамп без вскрытия конверта было невозможно⁷⁹.

В результате на заседании бюджетной комиссии при рассмотрении сметы Главного управления почт и телеграфов на 1914 год вопрос о перлюстрации затронули три либеральных депу-

Русская молва. 1913. 5 июля. С. 2; 2 августа. С. 3; Современное слово. 1913. 13 июля. № 1978. С. 1.

⁷¹ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1159. Л. 55.

⁷² Русское слово. 1913. 7 июля. № 156. С. 4.

⁷³ Речь. 1913. 13 июля. № 188. С. 1.

⁷⁴ Утро России. 1913. 24 июля.

⁷⁵ Там же. С. 4–5.

⁷⁶ Зданович А.А., Измозик В.С. Сорок лет на секретной службе: Жизнь и приключения Владимира Кривоша. М.: Кучково поле, 2007. С. 136–137.

⁷⁷ Руль. 1913. 8 июля. № 415. С. 3.

⁷⁸ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1159. Л. 48; Ф. 1467. Оп. 1. Д. 1001. Л. 83 об. – 84.

⁷⁹ Русское слово. 1913. 1 августа. № 177. С. 4.

тата: октябрист И.В. Годнев, прогрессист М.И. Гродзицкий и кадет князь С.П. Мансырев, которые ссылались на осведомленных лиц. Князь Мансырев вспомнил, что в 1910 году, когда он выступал защитником по уголовному делу, к нему обратился некий сенатор, гофмаршал двора, с просьбой информировать его о ходе процесса. Для этого сенатор сообщил Мансыреву условный адрес и шифр. Адвокат выразил удивление этой предосторожностью и услышал признание сановника: «Когда был ревизующим сенатором, то вся переписка, отправлявшаяся ко мне, подвергалась дешифровке». Еще более сенсационное заявление сделал Годнев: «Я от некоторых лиц, близко знакомых с почтовым ведомством, слышал уверения, что существует даже особый аппаратик, при помощи которого отпаривают письма и получается возможность их прочесть... Я бы желал знать, насколько заявления таких лиц, которые будто сами принимали в этом участие... верны и продолжается ли это до сих пор». Новый (с октября 1913 года) начальник Главного управления почт и телеграфов В.Б. Похвиснев в отличие от своего предшественника, М.П. Севастьянова, не стал голословно отрицать наличие перлюстрации, а относительно «аппаратика» заметил: «Я не сумею сказать, я его в руках не держал». От прямого ответа на повторный вопрос Годнева: «Есть [“аппаратик”] или нет?» – Похвиснев уклонился: «Не знаю. Первый раз слышу о таком аппарате»⁸⁰. Последний раз в Думе этот вопрос поднял прогрессист Гродзицкий 5 мая 1914 года при очередном обсуждении бюджета МВД по Главному управлению почт и телеграфов. Он сослался на заметку князя В.П. Мещерского, что «письма вскрываются сотнями тысяч», и сам утверждал, что перлюстрации подвергается корреспонденция, адресованная членам Государственной думы. Похвиснев в своем выступлении ничего не сказал по данному поводу, тем самым косвенно подтверждая справедливость заявления депутата⁸¹.

Не оставляли этот сюжет и российские газеты. 31 марта 1914 года газета «День» напечатала заметку «Тайны “черного кабинета”». В ней наряду с «клюквой» (якобы в комнате для просмотра писем сидят несколько агентов охранного отделения, несколько жандармских ротмистров и представители почтового ведомства) содержалось точное указание местонахождения «черного кабинета» в столице: «секретная комната» в отделении иностранной цензуры почтамта. В мае в этом же издании появилась «подвальная» статья «Швейцары, или “Черные кабинеты”» за подписью «Некто», в которой был приведен абсолютно конкретный материал о ведении перлюстрации. Здесь цитировался циркуляр директора ДП от 1 февраля 1903 года, содержавший требование к начальникам охранных отделений уделять больше внимания поступавшей к ним из Петербурга перлюстрированной переписке. Указывалось, что вскрываются письма, внесенные в особый список («алфавит»), а также вызывающие подозрение. В качестве перлюстрированных упоминались письма к княгине С.Н. Голицыной, графине Е.А. Уваровой, от профессора В.А. Вагнера к Н.Л. Гондатти (генерал-губернатор Приамурской области с 1911 года), от жандармского офицера Лявданского к бывшему московскому градоначальнику А.А. Рейнботу. Отмечалось, что копии писем на имя фельдшерицы Е. Павловой (Сетунская лечебница Московской губернии) соседствуют с копией почерка их автора⁸². Поскольку в качестве примеров в основном фигурировали акты перлюстрации писем, проходивших через Московский почтамт в конце XIX – начале XX века, то источником информации мог быть Л.П. Меньшиков. Дополнительным аргументом в пользу его авторства является обнаруженное

⁸⁰ Государственная дума. Четвертый созыв: Доклады бюджетной комиссии. 1913–1914 годы. Сессия 2. Приложения к стенографическим отчетам Государственной думы. Вып. 1 (№ 1–11). СПб., 1914. К № 6. С. 7–8, 18–19. Выскажу предположение, что об «аппаратике» И.В. Годнев мог узнать от его изобретателя, В.И. Кривоша, с которым контактировал в Государственной думе, – см.: *Зданович А.А., Измозик В.С.* Сорок лет на секретной службе. С. 64, 70–72.

⁸¹ Государственная дума. Четвертый созыв: Стенографические отчеты. 1914 год. Сессия 2. Ч. 3. СПб., 1914. Стб. 1914–1915, 1948–1950.

⁸² День. 1914. 31 марта. № 88. С. 3; 22 мая. № 137. С. 4. В.А. Вагнер – выдающийся зоолог и зоопсихолог; Н.Л. Гондатти – исследователь Северной и Северо-Восточной России, тобольский (1906–1908), томский (1908–1911) губернатор, генерал-губернатор Приамурской области (1911–1917); А.А. Рейнбот – московский градоначальник (1906–1907).

мною текстологическое совпадение по существу между данной статьей и книгой Меньщикова, опубликованной в 1925 году. В статье как пример перлюстрации упоминается передача Департаментом полиции 10 марта 1897 года Московскому охранному отделению копии письма учителя Шапошникова в слободу Велико-Михайловку Курской губернии. В книге речь идет о перлюстрации письма библиотекаря Румянцевского музея Г.Н. Шапошникова – жениха курсистки М.Ф. Ветровой, покончившей с собой в Петропавловской крепости 12 февраля 1897 года. Письмо это он послал 4 марта 1897 года родным в Курскую губернию⁸³.

В мае 1914 года газета «Речь» напечатала письмо корреспондента ряда периодических изданий Г. Семешко из Баку. В данном случае говорилось о сообщении содержания телеграмм местным властям. Журналист писал, что 9 мая был срочно вызван к помощнику градоначальника Е.И. Уманцеву. Чиновник интересовался, не является ли журналист автором корреспонденции, накануне отправленной по телеграфу за подписью «Камский» в редакцию «Биржевых ведомостей» и искажающей, по словам Уманцева, реальное положение дел. Когда Семешко отказался от авторства, его попросили не разглашать эту историю. Журналист обратился к начальнику почтово-телеграфной конторы Закржевскому за разъяснением того, как телеграмма попала в градоначальство, но никакого вразумительного ответа не получил⁸⁴.

«Наша рабочая газета» в том же месяце сообщила об обнаружении в редакции под клапаном одного из конвертов тончайшей проволоки для вскрытия. Через три недели эта же газета информировала о том, что из приходящих в редакцию конвертов стала исчезать подписная плата, вложенная марками, а иногда оторвана часть корреспонденции. На последнюю публикацию откликнулась газета «Современное слово», в ней выразили надежду на запрос в Государственной думе⁸⁵. Замечу сразу, что последние публикации на деле относились, конечно, не к профессионалам перлюстрации, а к нечистым на руку почтовым чиновникам. Замечу также, что копии большинства публикаций на эту тему собирались и хранились в делах Департамента полиции⁸⁶. В июле 1914 года газета «Русское слово» напечатала заметку «Почтовые загадки», автор которой писал не только о плохой работе почты, но и о получении им заграничной бандероли со штемпелем «Позволено», хотя запечатанная обертка предполагала, что отправление не вскрывалось⁸⁷.

В русской художественной литературе тема перлюстрации нашла свое отражение в комедии Н.В. Гоголя «Ревизор» (1836); в очерке М.Е. Салтыкова-Щедрина «Мнения знатных иностранцев о помпадурах», опубликованном в 1873 году в журнале «Отечественные записки» и вошедшем затем в сатирический цикл «Помпадуры и помпадурши»; в уже упоминавшихся повести Н.С. Лескова «Смех и горе» (1871) и его газетной заметке «Нескладица о Гоголе и Костомарове (историческая поправка)»; в рассказе А.И. Куприна «Гога Веселов» (1916)⁸⁸.

Новый всплеск общественного интереса к теме перлюстрации последовал после свержения монархии в феврале 1917 года. Центральные и местные газеты писали о «черных кабинетах», рассказывали о деталях их устройства, приводили списки лиц, чья корреспонденция регулярно вскрывалась⁸⁹. Журнал «Былое» напечатал воспоминания бывшего начальника Киевского губернского жандармского управления генерал-майора В.Д. Новицкого и бывшего

⁸³ Там же. 1914. 22 мая. С. 4; Меньщиков Л.П. Охрана и революция: К истории тайных политических организаций в России. Ч. 1. 1885–1898. М., 1925. С. 337.

⁸⁴ Речь. 1914. 18 мая. № 133 (2802). С. 6.

⁸⁵ Наша рабочая газета. 1914. 14 мая. № 10. С. 1; 8 июня. № 30. С. 1; Современное слово. 1914. 11 июня. № 2303. С. 1.

⁸⁶ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 267. Д. 40. Л. 8 об. – 9.

⁸⁷ Русское слово. 1914. 31 июля. № 176. С. 5.

⁸⁸ Гоголь Н.В. Ревизор // Гоголь Н.В. Соч. М., 1952. С. 298–299, 328; Салтыков-Щедрин М.Е. Помпадуры и помпадурши // Салтыков-Щедрин М.Е. Собр. соч. Т. 8. С. 247; Лесков Н.С. Смех и горе. С. 137; Он же. Нескладица о Гоголе и Костомарове (историческая поправка). С. 2; Куприн А.И. Гога Веселов // Куприн А.И. Собр. соч.: В 6 т. Т. 5. М., 1958. С. 369–380.

⁸⁹ Киевская мысль. 1917. 2 апреля. С. 4; 6 апреля. С. 3; 8 апреля. С. 3; 16 апреля. С. 2; Утро России (М.). 1917. 8 апреля. С. 4; 13 апреля. С. 4.

цензора С. Майского (псевдоним В.И. Кривоша)⁹⁰. Впоследствии эти воспоминания вышли отдельными изданиями⁹¹. Записки Майского на многие годы стали одним из основных источников для исследователей данной темы. К сожалению, до недавнего времени этот источник не подвергался целостному источниковедческому анализу. Многие историки просто переписывали и переписывают из него те или иные отрывки, даже не задаваясь вопросом, кто скрывался за этим псевдонимом – среди служащих цензуры иностранных газет и журналов С. Майского как такового никогда не существовало. К тому же наряду с действительно ценными сведениями о практике работы «черных кабинетов» здесь приводится немало недостоверных и просто выдуманных фактов. Уже в 1998 году на основании совокупности документов я подверг критике ряд утверждений Майского, а в 2007 году обосновал версию о том, что за псевдонимом «С. Майский» скрывался В.И. Кривош – один из ярчайших работников «черных кабинетов», трудившийся на этом поприще с 1893-го по 1935 год, но отличавшийся в своих рассказах и воспоминаниях необузданной фантазией⁹².

В 1918 году вышла книга С.Г. Сватикова «Русский политический сыск за границей». Автор был направлен в мае 1917 года в Париж как комиссар Временного правительства для работы в комиссии по разбору архивов Департамента полиции и ликвидации его подразделений за рубежом. Он ознакомился в Париже со многими документами и участвовал в допросах бывших секретных сотрудников. К сожалению, ведению зарубежной перлюстрации в книге Сватикова посвящено лишь два абзаца⁹³.

После прихода большевиков к власти, уже с лета 1918 года, перлюстрация входит в арсенал политического контроля с их стороны⁹⁴. Естественно, что новые руководители политического розыска обращаются к опыту царской службы. В первой половине 1919 года в ВЧК В.Н. Зверевым, бывшим сотрудником Московского охранного отделения, был составлен секретный обзор «Перлюстрация корреспонденции при царизме и телефонные перехваты». Но надо отметить, что автор просто сделал краткий конспект воспоминаний С. Майского (В.И. Кривоша)⁹⁵.

В начале 1920-х годов к данной проблеме обратился молодой историк Р.М. Кантор. Он рассказал об одном из интереснейших эпизодов перлюстрации в царствование Александра II (о деле капитана пограничной стражи Н.А. Иванова), ввел в научный оборот ранее недоступные архивные материалы, в частности доклад от 12 июля 1913 года вице-директору ДП А.Т. Васильеву о состоянии дела перлюстрации в империи⁹⁶. Большой фактический материал об организации и ведении перлюстрации в царствование Николая II был опубликован в середине 1920-х годов в семитомном издании «Падение царского режима»⁹⁷.

Пожалуй, одной из последних научных публикаций на эту тему в тот период стала статья ленинградского историка А.В. Предтеченского «О перлюстрации писем в начале XIX в. (Секретная переписка О.П. Козодавлева с Д.П. Руничем)». К сожалению, она была опублико-

⁹⁰ Новицкий В.Д. Воспоминания тяжелых дней моей службы в корпусе жандармов // Былое. 1917. № 5–6 (27–28). С. 90–124; Майский С. «Черный кабинет»: Из воспоминаний бывшего цензора // Там же. 1918. № 7. С. 185–197.

⁹¹ Майский С. «Черный кабинет»: Из воспоминаний бывшего цензора. Пг.: Былое, 1922; Новицкий В.Д. Из воспоминаний жандарма. М.: Прибой, 1929.

⁹² Измозик В.С. Российские чиновники «черных кабинетов» в начале XX в. // Россия в XIX – XX вв.: Сб. статей к 70-летию со дня рождения Р.Ш. Ганелина. СПб.: Д. Буланин, 1998. С. 220–221.

⁹³ Сватиков С. Русский политический сыск за границей. М.: X-HISTORY, 2002. С. 8, 31.

⁹⁴ См.: Измозик В.С. Глаза и уши режима (Государственный политический контроль за населением Советской России в 1918–1928 гг.). СПб.: СПбУЭиФ, 1995.

⁹⁵ Центральный архив ФСБ РФ [далее – ЦА ФСБ РФ]. Ф. 1. Оп. 3. Д. 18. Л. 1–6.

⁹⁶ Кантор Р. Работа «черных кабинетов» // Красный командир. 1921. № 23. С. 24–25; Он же. К истории «черных кабинетов» // Каторга и ссылка. 1927. № 8 (37). С. 90–99.

⁹⁷ Падение царского режима: Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства. Т. 1–7. Л., 1924–1927.

вана со значительными купюрами по сравнению с рукописью⁹⁸. Полный текст был напечатан лишь в 1999 году⁹⁹. Статья содержит одиннадцать писем, которыми в 1813–1817 годах обменялись между собой министр внутренних дел Козодавлев и московский почт-директор Рунич по поводу выяснения настроений московского общества с помощью перлюстрации (четыре письма принадлежат Козодавлеву и семь писем – Руничу). Эта переписка позволяет узнать о некоторых подробностях деятельности «черных кабинетов», о, так сказать, повседневных заботах и трудностях тружеников перлюстрации.

Власть чутко охраняла население от излишних знаний об этом предмете. Достаточно отметить, что сам термин «перлюстрация» отсутствует в первом и третьем изданиях Большой советской энциклопедии¹⁰⁰. Во втором издании БСЭ, в томе, который вышел весной 1954 года, и Советском энциклопедическом словаре краткие справки о перлюстрации присутствуют. При этом информация о перлюстрации во втором издании БСЭ подытоживается лицемерным утверждением: «В СССР тайна личной переписки охраняется законом (Конституция СССР, ст. 128)»¹⁰¹. Публикации об истории российской перлюстрации почти исчезли после 1928 года.

Одновременно ряд мемуарных свидетельств о практике перлюстрации опубликовали за рубежом российские эмигранты. Некоторые из этих мемуаров были изданы в СССР¹⁰².

В обстановке Большого террора второй половины 1930-х годов в СССР была переведена в значительно сокращенном виде книга американского автора Р. Роуана «История шпионажа», изданная впервые в Лондоне в 1936 году. В условиях нагнетаемой шпиономании рассказы о работе разведок крупнейших стран мира, в основном в первой трети XX века и в том числе и в России, оказались весьма востребованными. Роуан уверял читателей, что «государства... непрерывно потворствуют шпионажу» и «на зловещем фронте нет перемирия»¹⁰³. Масштаб издания в СССР книги этого малоизвестного зарубежного автора, наверно, почти не имеет аналогий. По сути, перевод подобранных отрывков из нее стал немаловажным элементом идеологической кампании, призванной объяснить и оправдать массовые репрессии, усилить массовый психоз поиска «шпионов». Можно лишь предполагать, что решение о запуске в широкую пропаганду текстов Роуана принималось на самом высоком уровне и, возможно, визировалось И.В. Сталиным.

Первоначально эти тексты появились в центральном органе ЦК ВКП(б) – газете «Правда». Время было выбрано не случайно. Именно в те дни, 11–12 июня, сообщалось о процессе над восемью крупнейшими военачальниками Красной Армии во главе с маршалом Советского Союза М.Н. Тухачевским и их расстреле. Публикации предшествовала рекламная статья журналиста Б.Р. Изакова «Международный шпионаж», а затем в течение пяти дней в газете печатались отрывки из этой «столь своевременной для советских людей книги»¹⁰⁴.

Далее материалы из книги Роуана были переизданы отдельной брошюрой во многих городах страны: Москве, Красноярске, Курске, Кустанае, Новосибирске, Оренбурге, Пензе, Пятигорске, Ростове-на-Дону и др. Только в Москве в 1937 году она вышла тремя издани-

⁹⁸ Предтеченский А.В. О перлюстрации писем в начале XIX в. (Секретная переписка О.П. Козодавлева с Д.П. Руничем) // Красный архив. 1927. Т. 6 (25). С. 201–209.

⁹⁹ Он же. О перлюстрации писем в начале XIX в. (Секретная переписка О.П. Козодавлева с Д.П. Руничем) // Анатолий Васильевич Предтеченский: Из творческого наследия. СПб.: Д. Буланин, 1999. С. 17–40.

¹⁰⁰ Большая советская энциклопедия [далее – БСЭ]. 1-е изд. Т. 40. М., 1940. С. 99; БСЭ. 3-е изд. Т. 19. М., 1975. С. 423.

¹⁰¹ БСЭ. 2-е изд. Т. 32. С. 508; Советский энциклопедический словарь. М., 1984. С. 987.

¹⁰² Курлов П.Г. Конец русского царизма. Воспоминания бывшего командира Корпуса жандармов. М.; Пг., 1923; Лопухин А.А. Отрывки из воспоминаний (по поводу «Воспоминаний» графа С.Ю. Витте). М.; Пг., 1923; Новицкий В.Д. Из воспоминаний жандарма – и др.

¹⁰³ Роуан Р. Разведка и контрразведка / Сокр. пер. с англ. М., 1937. С. 19.

¹⁰⁴ Правда. 1937. 8 июня. С. 4; 9 июня. С. 2–4; 10 июня. С. 2–4; 11 июня. С. 3–5; 12 июня. С. 4–5; 13 июня. С. 4–6. Общий объем публикации составил четыре печатных листа.

ями. Тираж лишь первого из этих изданий, подписанного в печать 14 июля 1937 года, составил 350 тыс. экземпляров. Таким образом, в общей сложности было напечатано, без сомнения, несколько миллионов экземпляров¹⁰⁵. Эти очерки вошли в состав специального сборника «Шпионаж капиталистических государств». Здесь Р. Роуан оказался в соседстве с такими авторами, как бывший член коллегии ВЧК С.Г. Уралов, начальник Управления НКВД по Ленинграду и Ленинградской области с декабря 1934-го по январь 1938 года Л.М. Заковский¹⁰⁶.

Что касается интересующей нас темы, то у Роуана наряду с компилятивными сведениями о деятельности «черных кабинетов» в России можно найти переплетение правды и выдумок о цензоре В.И. Кривоше и упоминание ложных фактов о процессе над старшим цензором киевской почтовой цензуры К.Ф. Зивертом – последний и его сотрудники якобы оказались австро-германскими шпионами¹⁰⁷.

В послевоенное время публикации об истории российских «черных кабинетов» остаются по-прежнему крайне редкими. В 1949 году эту тему затронул А.С. Нифонтов в монографии «Россия в 1848 году». Автор, рассказывая о росте масштабов перлюстрации с целью политического контроля в обстановке европейских революций, широко использовал архивы III Отделения¹⁰⁸. Но сведения о перлюстрации были ограничены рамками одного года. К тому же Нифонтов считал, что перлюстрация проводилась достаточно небрежно и касалась в первую очередь корреспонденции отдельных лиц, обративших на себя внимание III Отделения. В доказательство он приводил тот факт, что большинство документов и писем, поступавших в Россию на имя частных лиц и преследовавших цель революционной пропаганды, доставлялось властям не почтовой цензурой, а самими адресатами¹⁰⁹.

Даже хрущевская оттепель ничего не изменила в отношении к данной теме. Так, термин «перлюстрация» отсутствует в «Советской исторической энциклопедии» (1961–1976), как и в более поздней восьмитомной «Советской военной энциклопедии» (1976–1980)¹¹⁰. Приятным исключением стала статья тогдашнего аспиранта, а ныне известного российского историка В.Ю. Черняева «К изучению эпистолярных источников начала XX в. (Контроль почтовой переписки)», опубликованная в 1976 году и построенная на архивах Департамента полиции¹¹¹. К сожалению, работа не получила продолжения, ибо, как сказал мне Владимир Юрьевич, «старшие товарищи не рекомендовали ему заниматься этим сюжетом».

В 1967 году в Нью-Йорке была издана монография Д. Кана «Взломщики кодов», получившая огромную популярность. В 2000 и 2004 годах она вышла в разных издательствах на русском языке. В книге есть глава «Русская криптология», в которой определенное внимание уделено работе «черных кабинетов». Но это всего лишь компиляция из воспоминаний С. Майского (В.И. Кривоша), материалов книги Р. Роуана и некоторых других источников. Например, Кан уверяет, что «большинство сотрудников “черных кабинетов” были иностранцами, являвшимися подданными России»¹¹². Одно это уже говорит о весьма слабом знакомстве автора

¹⁰⁵ Роуан Р. Разведка и контрразведка. С. 2, 62. Впоследствии книга Роуана на русском языке издавалась еще несколько раз в таком же или расширенном варианте: Роуан Р.В. Очерки секретной службы: Из истории разведки. М., 1946; *Он же*. Разведка и контрразведка. Запорожье, 1991; *Он же*. Очерки секретной службы: Из истории разведки. СПб., 1992; *Он же*. Окутанный туманом: Из истории шпионажа. М., 1993; *Он же*. 300 лет секретных войн: История секретных служб мира. М., 2004 – и др.

¹⁰⁶ Шпионаж капиталистических государств: Сб. статей. М., 1937.

¹⁰⁷ Роуан Р. Разведка и контрразведка. С. 30–31, 55–56; *Он же*. Очерки секретной службы. 1946. С. 351, 354–355.

¹⁰⁸ Нифонтов А.С. Россия в 1848 году. М., 1949. С. 76–81.

¹⁰⁹ Там же. С. 224–225.

¹¹⁰ Советская историческая энциклопедия: В 16 т. М.: Советская энциклопедия, 1961–1976; Советская военная энциклопедия: В 8 т. М.: Воениздат, 1976–1980.

¹¹¹ Черняев В.Ю. К изучению эпистолярных источников начала XX в. (Контроль почтовой переписки) // Проблемы отечественной истории: Сб. статей аспирантов и соискателей. Ч. 1. М.; Л., 1976. С. 134–155.

¹¹² The Codebreakers. The Story of Secret Writing. N.Y., 1967; Кан Д. Взломщики кодов. М.: Центрполиграф, 2000; *Он же*. Война кодов и шифров: История четырех тысячелетий криптографии / Пер. с англ. Е.С. Алексеева. М.: Рипол Классик, 2004.

с реальным составом чиновников секретной экспедиции. Таким образом, никакой самостоятельной ценности труд Кана для истории российской перлюстрации не имеет.

В 1982 году вышла монография И.В. Оржеховского «Самодержавие против революционной России (1826–1880 гг.)», в которой автор, используя архивные фонды III Отделения и некоторые всеподданнейшие доклады министра внутренних дел, показал роль перлюстрации прежде всего в борьбе с инакомыслием¹¹³. Вместе с тем в книге есть фактические ошибки. Например, здесь содержится утверждение, что «III Отделение само перлюстрировало корреспонденцию “государственных преступников”, и в частности декабристов и членов их семей, а также брало под свой контроль надзор за всей корреспонденцией “политически неблагонадежных” лиц»¹¹⁴. Но дело в том, что корреспонденция декабристов, как в дальнейшем и других «государственных преступников», подлежала не перлюстрации, а официальной цензуре. Кроме того (и это я покажу далее), III Отделение в период своего существования, конечно, играло ведущую роль в контроле за корреспонденцией «политически неблагонадежных» лиц, но данные функции в отдельные периоды возлагались на военных генерал-губернаторов ряда провинций. Неверно также, что перлюстрацию осуществляли якобы особые чиновники «под непосредственным руководством III Отделения» и «назначенные с его ведома»¹¹⁵.

Резкий всплеск интереса к истории перлюстрации происходит с конца 1980-х годов – в условиях ликвидации цензуры, постепенного открытия массы ранее недоступных архивных материалов. Уже в 1986 году появляется первая статья давнего сотрудника Государственного архива Российской Федерации (бывшего Государственного архива Октябрьской революции и социалистического строительства) З.И. Перегудовой¹¹⁶. Великолепный знаток фондов, прекрасно владеющая источниковедческим анализом, Зинаида Ивановна опубликовала в последующие годы несколько статей о деятельности Департамента полиции в 1880–1917 годах, в том числе и о перлюстрации как об одном из важнейших методов политического розыска¹¹⁷. Продолжением этих публикаций стала монография «Политический сыск России (1880–1917)». В этой монографии специальный параграф, насыщенный неизвестным ранее архивным материалом, посвящен перлюстрации¹¹⁸.

Одной из первых книг, в которой была затронута история «черных кабинетов», стала работа Ф.М. Лурье, затем неоднократно переиздававшаяся. В ней приводились отрывки из воспоминаний М.Е. Бакая, С. Майского, В.Д. Новицкого, А.И. Спиридовича¹¹⁹. К сожалению, здесь имелся ряд фактических ошибок: утверждение, что Александр III подписал секретный указ, позволявший вскрывать любую корреспонденцию; повторение легенды о старичке, который шестнадцать раз являлся к новому министру внутренних дел с секретным указом Александра III; отнесение к перлюстрации просмотра писем декабристов, петрашевцев и «других государственных преступников»¹²⁰. В 1993 году вышла монография Ч. Рууда и С.В. Степанова «Фонтанка, 16», посвященная истории политического розыска в России. Авторы на несколь-

С. 101–104.

¹¹³ Оржеховский И.В. Самодержавие против революционной России (1826–1880 гг.). М.: Мысль, 1982.

¹¹⁴ Там же. С. 72.

¹¹⁵ Там же. С. 73.

¹¹⁶ Перегудова З.И. Важный источник по истории революционного движения (Коллекция перлюстрации ЦГАОР СССР) // Исторический опыт Великого Октября: К 90-летию академика И.И. Минца. М., 1986. С. 376–389.

¹¹⁷ Она же. Источники изучения социал-демократического движения в России: Материалы фонда Департамента полиции // Вопросы истории КПСС. 1988. № 9. С. 88–100; Она же. Методы борьбы Департамента полиции с революционным движением // Факел: Историко-революционный альманах. М., 1990. С. 197–205.

¹¹⁸ Она же. Политический сыск России (1880–1917). М.: РОССПЭН, 2000. С. 275–288.

¹¹⁹ Лурье Ф.М. Полицейские и провокаторы: Политический сыск в России. 1649–1917. СПб.: Час пик, 1992; Он же. Полицейские и провокаторы: Политический сыск в России. 1649–1917. М.: Терра, 1998; Он же. Политический сыск в России. 1649–1917. М.; СПб.: Центрполиграф – Сним-Дельта, 2006. С. 100–107.

¹²⁰ Он же. Политический сыск в России. С. 100–101.

ких страницах рассказали о ведении перлюстрации, в основном в конце XIX – начале XX века, назвали ее руководителей (А.Д. Фомина и М.Г. Мардарьева), привели ряд архивных документов: доклад министра внутренних дел И.Н. Дурново от 5 января 1895 года, протокол допроса старшего цензора Московского почтамта В.М. Яблочкова в Московском окружном суде весной 1917-го и т. п.¹²¹

О зарождении системы перлюстрации в середине XVIII века, технических приемах вскрытия дипломатической почты написала Т.А. Соболева (Алексеева) в книге, посвященной истории криптографической службы. К сожалению, свой рассказ о перлюстрации начала XX века она в значительной мере основывает на мемуарах С. Майского (В.И. Кривоша), излишне доверяя им¹²².

Высокой точностью и информативностью отличаются статьи саратовского автора О.Ю. Абакумова о перлюстрации в России в середине XIX века, опубликованные на рубеже XX – XXI веков. Однако в своей последней монографии – «...Чтоб нравственная зараза не проникла в наши пределы»: Из истории борьбы III Отделения с европейским влиянием в России (1830-е – начало 1860-х гг.)» – этот автор лишь мельком касается темы перлюстрации¹²³.

О работе «черных кабинетов» в царствование Николая I (1825–1855) в сжатом, но весьма насыщенном фактическим материалом параграфе рассказал А.Г. Чукарев в монографии «Тайная полиция России»¹²⁴. К сожалению, он также не избежал отдельных ошибок. Например, он пишет, что «перлюстрация осуществлялась во всех городах России, которые были названы А.Х. Бенкендорфом в письме царю об учреждении тайной полиции». В этом письме были названы Петербург, Москва, Киев, Вильно, Рига, Харьков, Одесса, Казань и Tobольск¹²⁵. Между тем, как будет показано ниже, перлюстрация в Харькове и Казани была учреждена через несколько десятков лет. Зато при Николае I «черные кабинеты» появились в городах, не упомянутых в записке Бенкендорфа.

В 2008 году была опубликована статья Е.А. Гончаровой «Система перлюстрации в России в конце XIX – начале XX в.». Хотя эта работа в значительной мере построена на опубликованных источниках, в ней содержатся интересные архивные материалы по ведению перлюстрации в Саратовской губернии¹²⁶.

Одними из последних по данной теме вышли книги Ф.Л. Севастьянова «Между Тайной экспедицией и III Отделением: от тайного сыска – к политическому розыску» и А.С. Смыкалина «Перлюстрация корреспонденции и почтовая военная цензура в России и СССР». Севастьянов исследует организацию политического розыска при Александре I. Автор, кроме опубликованных источников, ввел в обращение огромный архивный материал, сделав ряд интересных находок, в том числе и по вопросу организации перлюстрации¹²⁷.

В монографии А.С. Смыкалина интересующей нас теме посвящены три из четырех параграфов первой главы «У истоков оперативно-технической деятельности» и несколько страниц во второй главе «Почтовая военная цензура как средство контроля контрразведки в годы Пер-

¹²¹ Рууд Ч., Степанов С. Фонтанка, 16: Политический сыск при царях. М.: Мысль, 1993. С. 110–116.

¹²² Соболева Т.А. Тайнопись в истории России (История криптографической службы России XVIII – начала XX в.). М., 1994. С. 97–104, 236–240; Она же. История шифровального дела в России. М.: ОЛМА-пресс, 2002. С. 287–293.

¹²³ Абакумов О.Ю. «Око земного бога» (Корпус жандармов на рубеже 50–60-х гг.: традиции и новации) // Освободительное движение в России: Межвузовский сб. научных трудов. Вып. 18. Саратов, 2000. С. 61–78; Она же. «Самая непроницаемая тайна». С. 9–19; Она же. «...Чтоб нравственная зараза не проникла в наши пределы»: Из истории борьбы III Отделения с европейским влиянием в России (1830-е – начало 1860-х гг.). Саратов: Научная книга, 2008.

¹²⁴ Чукарев А.Г. Тайная полиция России: 1825–1855 гг. М.; Жуковский: Кучково поле, 2005. С. 282–295.

¹²⁵ Там же. С. 123, 386.

¹²⁶ Гончарова Е.А. Система перлюстрации в России в конце XIX – начале XX в. // Вопросы истории. 2008. № 1. С. 96–102.

¹²⁷ Севастьянов Ф.Л. Между Тайной экспедицией и III Отделением: от тайного сыска – к политическому розыску. СПб.: МИЭП, 2008.

вой мировой войны»¹²⁸. Исследователь использовал здесь достаточно широкий круг опубликованных работ по истории перлюстрации. К сожалению, иногда он некритически трактует сведения таких авторов, как С. Майский и Р. Роуан. В частности, принимает за истину рассказ Роуана о шпионаже в пользу Австрии и Германии сотрудников «черного кабинета» в Киеве во главе со старшим цензором К.Ф. Зивертом¹²⁹.

Доверчивость Смыкалина привела к появлению в книге знаменитого пассажа, особенно любимого авторами массовых изданий, о «старичке в потертом мундире», который якобы с 1880-х годов появлялся в кабинете нового министра внутренних дел с указом Александра II о праве старшего цензора М.Г. Мардарьева «руководить делом перлюстрации писем на Петербургском почтамте», а затем «его никто не видел в министерстве до следующей смены министра»¹³⁰. Здесь целый ряд ошибок. Во-первых, министру вручался, как я писал выше, конверт с докладом министра внутренних дел И.Н. Дурново от 5 января 1895 года на имя Николая II. Во-вторых, прототипом героя этой легенды мог быть А.Д. Фомин, занимавший должность старшего цензора Санкт-Петербургской цензуры иностранных газет и журналов и одновременно управлявший секретной частью «над всеми подобными учреждениями в империи» с декабря 1891-го и до июня 1914 года. Но, родившись в 1845 году, он даже к моменту отставки не был уж столь глубоким старичком. В-третьих, действительно, за период пребывания на посту Александра Дмитриевича Фомина в империи сменилось девять министров внутренних дел: И.Л. Горемыкин, Д.С. Сипягин, В.К. Плеве, П.Д. Святополк-Мирский, А.Г. Булыгин, П.Н. Дурново, П.А. Столыпин, А.А. Макаров и Н.А. Маклаков. Но, конечно, взаимодействие старшего цензора и руководителя «особенной частью» с очередным господином министром существовало постоянно на протяжении всего времени его пребывания на посту¹³¹.

Не могу согласиться и с тезисом Смыкалина о том, что «если в конце XIX в. перлюстрация корреспонденции носила выборочный характер, то в начале XX в. она принимает всеобъемлющий, тоталитарный характер. Вся жизнь общества находилась под зорким контролем государства»¹³². «Всеобъемлющий, тоталитарный характер» перлюстрация начнет постепенно принимать уже только в советском государстве.

К сожалению, во многих работах, появившихся с начала 1990-х годов, в ситуации отсутствия цензуры и исчезновения квалифицированной редакции, приводимые сведения в основном компилятивны, не сопровождаются необходимой критикой источников, знанием структуры перлюстрационной службы и изменений, происходивших в ее подразделениях.

В огромной по объему, почти полностью компилятивной книге И.Б. Линдера и С.А. Чуркина «История специальных служб России X – XX веков» перлюстрации уделено крайне незначительное место, но и при этом авторы сумели сделать ряд грубых ошибок. Например, они пишут о работе «черных кабинетов» в начале XX века: «“Черные кабинеты” существовали во всех крупных городах... Многие из их сотрудников, особенно в столицах, знали иностранные языки...»¹³³. Но к началу XX века в Российской империи перлюстрационные пункты существовали всего в восьми городах, а знание двух-трех иностранных языков было обязательным условием для работы.

¹²⁸ Смыкалин А.С. Перлюстрация корреспонденции и почтовая военная цензура в России и СССР. СПб.: Юридический центр Пресс, 2008. С. 18–82, 95–98.

¹²⁹ Там же. С. 95–96.

¹³⁰ Там же. С. 58.

¹³¹ Измозик В.С. А.Д. Фомин и М.Г. Мардарьев: к истории «черных кабинетов» в России. Конец XIX – начало XX в. // Из глубины времен. Вып. 9. СПб., 1997. С. 59–61; Жандармы России. Политический розыск в России. XV – XX века / Сост. В.С. Измозик. СПб.; М.: Нева – ОЛМА-пресс, 2002. С. 620.

¹³² Смыкалин А.С. Перлюстрация корреспонденции и почтовая военная цензура. С. 98.

¹³³ Линдер И.Б., Чуркин С.А. История специальных служб России X – XX веков. М.: Рипол Классик, 2004. С. 370.

Не уступают Линдеру и Чуркину и некоторые другие авторы. И.Н. Кравцев в своей весьма сумбурной книге «Тайные службы империи» уверяет читателей, что «черные кабинеты» в начале XX века имелись в распоряжении Министерства внутренних дел и Министерства иностранных дел, а разница между первыми и вторыми заключалась в том, что «одни [МВД] проверяли письма внутреннего назначения, другие [МИД] курировали внешнюю переписку (включая и дипломатическую)»¹³⁴. На деле «черные кабинеты» МВД занимались всей почтовой перепиской, включая зарубежную и дипломатическую, а криптографы МИДа трудились над расшифровкой телеграфных сообщений иностранных дипломатов и разрабатывали собственные шифры.

Ю.А. Регент, ссылаясь на воспоминания С. Майского и А. Спиридовича, пишет, что в Тифлисе, Томске и Вильно «незадолго до революции “черные кабинеты” были закрыты, а в Нижнем Новгороде и Казани открывались лишь по мере надобности»¹³⁵. Между тем пункт в Вильно был закрыт еще в 1895 году, а пункт в Тифлисе (Тбилиси) после вынужденного закрытия в 1905-м вновь заработал на конспиративной основе с 1909 года. Если в Нижнем Новгороде официальная перлюстрация проводилась действительно лишь по мере надобности, то в Казани «черный кабинет» существовал до 1909 года.

Автор также не видит разницы между официальными цензорами-перлюстраторами и почтово-телеграфными чиновниками, занимавшимися вскрытием писем по просьбам местных жандармских офицеров. Наконец, известного сотрудника «черных кабинетов» В.И. Кривоша вынудили подать заявление об увольнении из петербургской цензуры иностранных газет и журналов не «за попытку предложить свои услуги Морскому ведомству», а за присвоение значительных сумм, которые он получал от Морского министерства. Суммы эти выделялись Кривошу на организацию перлюстрационных пунктов в провинции и для выдачи коллегам, которых он привлек к сотрудничеству в «Секретном бюро», созданном при отделе разведки Морского Генерального штаба¹³⁶.

Столь же беззаботен местами по отношению к историческим фактам Л.А. Лахин. Например, он пишет о «Сергее Ивановиче Майском», прослужившем в «черном кабинете» более десяти лет. И проблема здесь не только в том, что «С. Майский» – псевдоним. Важнее то, что на самом деле в выходных данных его публикаций расшифровка имени отсутствует, а отчество вообще никак не обозначено! Фантазирует автор и описывая знакомство с перлюстрацией В.К. Плеве, который после назначения министром внутренних дел обнаруживает в кабинете своего предшественника копии собственных писем. Во-первых, Плеве, ставший министром 4 апреля 1902 года, был директором Департамента полиции в 1881–1884 годах и товарищем министра внутренних дел с 1884 года, а потому о перлюстрации и ее деталях был прекрасно осведомлен. Во-вторых, не мог он обнаружить копию своего письма депутату Государственной думы некоему Михайлову, поскольку покойники писем не пишут. Государственная дума впервые собралась 27 апреля 1906 года, а Вячеслав Константинович был убит эсером Егором Сазоновым (Созоновым) 15 июля 1904-го. Преувеличивает автор и качество перлюстрации, указывая, что якобы после заклейки «конверт принимал прежний девственный вид». Идеализирует он и мастерство отборщиков писем, уверяя, что среди них «были такие мастера, что... даже по нескольким буквам могли безошибочно определить, кто автор письма и кому оно адресовано». Конечно, уровень вскрытия писем в целом был высоким, но и жалоб на надорванные и поврежденные конверты было немало¹³⁷.

¹³⁴ Кравцев И.Н. Тайные службы империи. М.: РАГС, 1999. С. 85.

¹³⁵ Регент Ю.А. Общая и политическая полиция России (1890–1917 гг.). Рязань, 2001. С. 161.

¹³⁶ Там же. С. 162–163. См.: Зданович А.А., Измозик В.С. Сорок лет на секретной службе. С. 106–110.

¹³⁷ http://www.mp-centr.ru/articles/Cernyi_kabinet_s_tex.html С. 3–5.

Позволю себе привести один текстологический пример того, как работает фантазия Л.А. Лахина и ему подобных. В воспоминаниях С. Майского (В.И. Кривоша) говорится, что однажды при вскрытии мешка с дипломатической почтой перлюстратор уронил в него случайно свою золотую запонку от манжет. Далее произошло следующее: «Посольство в Петрограде, найдя эту запонку в мешке, вернуло ее со следующей почтой при письме министерству обратно. Перлюстратор, считавший свою запонку безвозвратно потерянной, очень обрадовался, когда ее нашел на следующий день во вскрытом им мешке. Он взял ее себе, а сопровождавшее ее письмо просто уничтожил, и этим инцидент был исчерпан»¹³⁸. А вот как этот случай выглядит под пером Лахина: в мешке «была записка с наивной просьбой работников посольства вернуть запонку владельцу. Только после этого сотрудник поставил начальство в известие о происшедшем»¹³⁹. Читатель сам может сделать вывод.

Малую ценность относительно интересующей нас темы представляет работа Л.В. Антоновой и Т.А. Просвириной, также не свободная от неточностей. Например, авторы уверяют, что «перлюстрация... достигла наивысшего развития к концу XVIII века, в правление Елизаветы Петровны и Екатерины II», что абсолютно неверно. Выше я уже указывал, что они путают перлюстрацию с официальной цензурой¹⁴⁰.

А.Ю. Саран, автор добротной монографии «История почты Орловского края», почему-то именует саму почтовую цензуру «тайной службой», но тут же отмечает, что ее сотрудники имели специальную форму, утвержденную постановлением Сената¹⁴¹.

М.С. Чудакова в книге, вышедшей в свет в 2003 году, делает ряд точных замечаний о роли перлюстрации в политическом сыске начала XX века, отмечая, что «такие сведения обладали большей достоверностью, чем донесения секретных агентов». Вместе с тем исследовательница недостаточно критично отнеслась к ряду источников. Например, в книге приведена следующая цитата из воспоминаний А.И. Спиридовича: «...до самой революции 1917 г. перлюстрацией ведал один и тот же чиновник, состарившийся на своем деле и дошедший до чина действительного статского советника. Его знали министр, директор Департамента полиции и лишь немногие близкие ему лица»¹⁴². Но к 2000 году уже были опубликованы биографии последних руководителей «черных кабинетов» в России – А.Д. Фомина и М.Г. Мардарьева¹⁴³. Поэтому нетрудно было выяснить, что руководивший системой «черных кабинетов» Мардарьев к 1917 году находился в возрасте пятидесяти восьми лет, имел чин тайного советника и фамилия его была известна не только руководству МВД, но и деятелям революционной эмиграции.

Целая серия статей, в которых достаточно широко затронута тема перлюстрации, принадлежит группе авторов: А.В. Бабашу, Ю.И. Гольеву, Д.А. Ларину, Д.Е. Тришину, Г.П. Шанкину¹⁴⁴. К сожалению, в этих статьях указан лишь список литературы, но нет ссылок

¹³⁸ Майский С. «Черный кабинет»: Из воспоминаний бывшего цензора // Зданович А.А., Измозик В.С. Сорок лет на секретной службе. С. 284.

¹³⁹ Лахин Л. Черный кабинет // Вестник Нижегородский. 1999. 23 июля.

¹⁴⁰ Антонова Л.В., Просвирина Т.А. История спецслужб России. М.: Дом славянской книги, 2010. С. 35–36.

¹⁴¹ Саран А.Ю. История почты Орловского края. 3-е изд., доп. Орел, 2004. С. 48.

¹⁴² Чудакова М.С. Противостояние: Политический сыск дореволюционной России. 1880–1917. Ярославль: ЯГПУ им. К.Д. Ушинского, 2003.

¹⁴³ Измозик В.С. А.Д. Фомин и М.Г. Мардарьев. С. 59–65; *Он же*. Российские чиновники «черных кабинетов» в начале XX в. С. 218–225.

¹⁴⁴ Бабаш А.В., Гольев Ю.И., Ларин Д.А., Шанкин Г.П. Шифры революционного подполья России XIX века // Защита информации. Конфидент. 2004. № 4. С. 82–87; Гольев Ю.И., Ларин Д.А., Тришин А.Е., Шанкин Г.П. Криптографическая деятельность революционеров в России в 20-х – 70-х годах XIX века: успехи и неудачи // Защита информации. Инсайд. 2005. № 5. С. 90–96; Гольев Ю.И., Ларин Д.А., Шанкин Г.П. Криптографическая деятельность организаций «Земля и воля» и «Народная воля» в России в 1876–1881 гг. // Там же. 2005. № 6. С. 80–87; *Он же*. Криптографическая деятельность революционеров в России в 90-е годы XIX века // Там же. 2006. № 4. С. 84–91; *Он же*. Криптографическая деятельность революционеров в России. Полиция против революционеров // Там же. 2008. № 2. С. 86–96; *Он же*. Криптографическая

на источники. Поскольку авторы в архивах не работали и используют ограниченный круг источников, они также допускают грубые ошибки в рассказе о деятельности Департамента полиции и «черных кабинетов». Например, демонстрируют непонимание того, что ДП являлся составной частью МВД; последнего директора ДП А.Т. Васильева (сентябрь 1916-го – февраль 1917 года) именуют «начальником царской охраны в начале XX в.»; создание «черных кабинетов» в Петербурге, Москве, Киеве и «ряде других городов» относят к 80-м годам XIX века; опять утверждают, что А.Д. Фомин якобы руководил службой перлюстрации на протяжении тридцати лет; сообщают, что «в качестве цензоров подбирались... чиновники с высшим образованием», что «перлюстраторы самым тщательным образом исследовали книги, их переплеты и корешки в поисках возможных ключей к книжным шифрам» и т. п.¹⁴⁵ Иногда авторы не замечают, что их стремление доказать исключительно высокий уровень профессионализма перлюстраторов противоречит фактам, которые сами же авторы приводят. Например, они пишут, что «письма, прочитанные в российских “черных кабинетах”, не несли на себе сколько-нибудь заметных следов перлюстрации» и поэтому «революционерам и иностранным дипломатам не помогали никакие ухищрения: ни царапины печати, ни заделка в сургуч волоса, нитки, булавки и т. п.». Но следующая фраза все это начисто опровергает: «...в 1910 г. командир Отдельного корпуса жандармов П. [Г.] Курлов обратился к старшему цензору с просьбой, чтобы адресованные ему письма не носили явных следов вскрытия. Такая же просьба высказывалась... директором Департамента полиции С.П. Белецким»¹⁴⁶. Понятно, что если Белецкий и Курлов обращались с подобными просьбами, то именно потому, что замечали следы вскрытия своей корреспонденции.

Иногда некритичное восприятие первоисточника одним автором приводит в итоге к тому, что эти сведения тиражируются в последующих работах как безусловно истинные. Приведу пример. В 1906 году в журнале «Русская мысль» были напечатаны воспоминания известного либерального деятеля, бывшего тверского губернского предводителя дворянства А.М. Унковского о пребывании в 1860 году в вятской ссылке, перепечатанные в «Трудах Вятской ученой архивной комиссии». Он, в частности, приводил следующий рассказ вятского вице-губернатора Д.И. Батурина:

Служил я с неким Поповым в III Отделении; служба наша была распечатывание конвертов. Случилось мне разорвать один конверт. Узнал Николай Павлович [Николай I], рассердился и приказал найти средство заклеивать конверты так, чтобы не было узнано, что они были распечатаны. Долго думал я с Поповым, работал над таким средством, – нет как нет, не находим его. Наконец, Попов додумался, как ему показалось, стал пробовать уриной [мочой] распечатывать... и пошел в гору, я же остался у подошвы ее¹⁴⁷.

Этот красивый эпизод был растиражирован вятским краеведом Е.Д. Петряевым, который к тому же несколько модернизировал текст воспоминаний Батурина, не упомянув Попова и заявив, что «изобретатель был повышен в чине»¹⁴⁸. Из авторов, впоследствии приводивших

деятельность революционеров в России на рубеже веков (1898–1900 годы) // Там же. 2008. № 4. С. 89–96.

¹⁴⁵ Гольев Ю.И., Ларин Д.А., Тришин А.Е., Шанкин Г.П. Криптографическая деятельность революционеров в России в 20-х – 70-х годах XIX века. С. 92–93; Гольев Ю.И., Ларин Д.А., Шанкин Г.П. Криптографическая деятельность революционеров в России в 90-е годы XIX века. С. 91; Они же. Криптографическая деятельность революционеров в России. Полиция против революционеров. С. 86.

¹⁴⁶ Гольев Ю.И., Ларин Д.А., Шанкин Г.П. Криптографическая деятельность революционеров в России в 90-е годы XIX века. С. 91.

¹⁴⁷ Унковский А.М. Записки // Русская мысль. 1906. № 7. С. 92; Труды Вятской ученой архивной комиссии 1906 года. Вып. I – II. Вятка, 1906. С. 90.

¹⁴⁸ Петряев Е.Д. Литературные находки: Очерки культурного прошлого Вятской земли. Киров, 1981. С. 69.

данный рассказ, лишь О.Ю. Абакумов высказал осторожное сомнение в его подлинности, указав, что III Отделение «занималось идейной, а не технической стороной этого процесса»¹⁴⁹. М.М. Попов действительно был видным чиновником III Отделения, но сам Батулин служил в Петербурге с марта 1835 года в Министерстве финансов, через два года был откомандирован в V Отделение Собственной Е.И.В. канцелярии, а в июне 1838 года по собственному желанию был переведен на службу в Рязань¹⁵⁰. Таким образом, рассказчик никогда в III Отделении не служил.

Тема перлюстрации нашла отражение и в ряде художественных произведений. Небольшая вставка о «черных кабинетах» есть в романе В.С. Пикуля «На задворках Великой империи», там, где описываются события 1905 года. Писатель опирался на воспоминания С. Майского (В.И. Кривоша), одновременно допустив ряд совершенно недостоверных литературных «красивостей». Перлюстраторы здесь «одним взглядом умели... определять ценность письма в его фискальном значении». Сортировка писем идет с сумасшедшей скоростью – «до тысячи писем в час». Главой петербургского «черного кабинета» именуется Михаил Григорьевич Мардарьев. На деле в это время Михаил Георгиевич (так!) Мардарьев был заместителем Александра Дмитриевича Фомина. При этом в романе Мардарьев самолично занимается распечаткой и фотографированием писем, представляющих интерес для высшей власти¹⁵¹. Можно перечислять и другие подобные ляпы.

В 2000 году вышла в свет двухтомная книга В.Н. Балязина «Тайны “Черного кабинета”», стилизованная под записки служащего Санкт-Петербургского «черного кабинета» в 1785–1828 годах Ф.Ф. Осокина¹⁵². На деле это прежде всего повествование о политической и культурной истории России конца XVIII – первой четверти XIX века. Что же касается самой темы ведения перлюстрации, то автор, безусловно, знаком с отдельными работами и мемуарами по этому предмету. В частности, он пишет о просмотре корреспонденции высших сановников империи, упоминает о перлюстрации переписки в завоеванной Финляндии во время русско-шведской войны 1808–1809 годов, а также среди военнослужащих и жителей стран Европы во время заграничного похода русской армии в 1813–1814 годах. Но поскольку это не историческое исследование, а художественное произведение, то Балязин пользуется неоспоримым правом писателя на вымысел. Так, его герой занимает должность архивариуса Секретной экспедиции, что в XVIII – первой четверти XIX века означало, что он является хранителем или управляющим архивом. Но такой должности в этом учреждении не существовало. В «черном кабинете», по мнению автора, кроме чиновников перлюстрации имелись специалисты по изготовлению фальшивых паспортов, фальшивомонетчики и карточные шулера, трудившиеся в интересах тайной политической полиции, что абсолютно не соответствует действительности. Из мемуаров С. Майского (В.И. Кривоша), относящихся к концу XIX – началу XX века, взята и перенесена в конец XVIII века история о шкафе, маскировавшем вход в помещение «черного кабинета». Создание Секретной экспедиции приписано Петру I, что неверно. Изготовитель поддельных печатей употребляет слово «негатив», которое возникло лишь с появлением фотографии¹⁵³. Понятно, что подобные труды далеки от подлинной истории «черных кабинетов» в России.

При написании настоящей монографии я использовал весь доступный для меня круг источников. Во-первых, это уже известные, опубликованные работы. Часть из них была рассмотрена выше. Во-вторых, это материалы десяти центральных и местных архивов: Архива

¹⁴⁹ Абакумов О.Ю. «Самая непроницаемая тайна». С. 15.

¹⁵⁰ РГИА. Ф. 1349. Оп. 3. Д. 160. Л. 71 об. – 74.

¹⁵¹ Пикуль В. На задворках Великой империи. Кн. 2. Белая ворона. М.: Вече – АСТ, 1998. С. 128–130.

¹⁵² Балязин В.Н. Тайны «Черного кабинета»: Записки архивариуса. Кн. 1–2. М.: ОЛМА-пресс, 2000.

¹⁵³ Там же. Кн. 1. С. 7, 125, 129, 140–141; Кн. 2. С. 17, 88, 93, 269, 289.

внешней политики Российской империи, Архива Государственного Эрмитажа, Архива Управления ФСБ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области, Государственного архива Российской Федерации, Национального архива Республики Карелия, Отдела рукописей Российской национальной библиотеки, Российского государственного архива древних актов, Российского государственного военно-исторического архива, Российского государственного исторического архива, Центрального государственного исторического архива Санкт-Петербурга.

В Архиве внешней политики Российской империи мной были изучены дела в шести фондах [далее – ф.]: ф. Департамента личного состава и хозяйственных дел, ф. 6 (Секретнейшие дела (перлюстрация)), ф. 15 (Дела о почтах в России), ф. 133 (Канцелярия министра иностранных дел), ф. 138 (Секретный архив министра), ф. 161 (Санкт-Петербургский Главный архив). В архиве Управления ФСБ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области я внимательно изучил так называемое «Дело чернокабинетчиков» 1929 года. В архиве Государственного Эрмитажа меня интересовал ф. 2 (Собственные библиотеки и арсеналы). В Государственном архиве Российской Федерации работа шла с делами семи фондов: ф. 102 (Департамент полиции МВД), ф. 109 (Третье Отделение Собственной Его Императорского Величества Канцелярии), ф. 111 (Охранное отделение при Санкт-Петербургском (Петроградском) градоначальнике), ф. 571 (Мезенцев Н.В.), ф. Р1074 (Революционный трибунал при Петроградском Совете рабочих, солдатских и крестьянских депутатов), ф. 1467 (Чрезвычайная следственная комиссия для расследования противозаконных по должности действий бывших министров и прочих должностных лиц), ф. 1717 (Собственная канцелярия шефа жандармов А.Х. Бенкендорфа). В Национальном архиве Республики Карелия я смотрел дела из двух фондов: ф. 19 (Олонецкое губернское жандармское управление), ф. 536 (Петрозаводская губернская почтовая контора). В отделе рукописей Российской национальной библиотеки – дела из четырех фондов: ф. 124 (Собрание П.Л. Вакселя), ф. 152 (К.А. Военский), ф. 781 (И.И. Толстой), ф. 859 (Н.К. Шильдер). В Российском государственном архиве древних актов я обратил внимание на ф. 5 (Переписка высочайших особ с частными лицами). В Российском государственном военно-историческом архиве смотрел дела семи фондов: ф. 36 (Канцелярия дежурного генерала Главного штаба), ф. 846 (Каталог Военно-ученого архива Главного управления Генерального штаба), ф. 1343 (Штаб Петроградского военного округа), ф. 1859 (Штаб Варшавского военного округа), ф. 14373 (Полевое управление почт и телеграфов при начальнике военных сообщений. 1904–1906), ф. 14014 (Главный штаб 1-й армии. 1830–1862), ф. 14414 (Главный штаб 1-й армии. 1814–1835). Большое внимание было уделено документам, хранящимся в Российском государственном историческом архиве, – здесь я изучил 137 дел в четырнадцати фондах: ф. 468 (Кабинет Его Императорского Величества), ф. 576 (Фонд Государственного контроля), ф. 728 (Т.И. Филиппов), ф. 779 (Центральный комитет иностранной цензуры), ф. 1162 (Государственная канцелярия Государственного совета), ф. 1263 (Комитет министров. 1802–1906), ф. 1282 (Канцелярия министра внутренних дел), ф. 1284 (Фонд Министерства внутренних дел), ф. 1289 (Главное управление почт и телеграфов), ф. 1292 (Управление по делам о воинской повинности МВД), ф. 1328 (Управление дворцового коменданта Министерства императорского дворца), ф. 1349 (Коллекция формулярных списков), ф. 1393 (Ревизия сенатора Н.П. Гарина московских установлений и учреждений военного ведомства), ф. 1642 (А.Н. Куломзин). В Российском государственном архиве Военно-Морского Флота я пользовался делами ф. 406 (Послужные и формулярные списки чинов Морского ведомства) и ф. 418 (Морской Генеральный штаб), а в Центральном государственном историческом архиве Санкт-Петербурга – делами трех фондов: ф. 14 (Петроградский университет), ф. 1209 (Управление Петроградского почтово-телеграфного округа) и ф. 1543 (Петроградский почтамт). Таким образом, всего было изучено 303 дела в сорока восьми фондах десяти различных архивов. Надеюсь, любой профессиональный историк согласится, что данная книга опирается на прочную источниковую основу.

Вместе с тем обязательным условием при работе с любого рода источниками была их критика. Историк, знакомясь с теми или иными документами, обязан ставить перед собой несколько обязательных вопросов: кто готовил этот документ? для кого он его готовил? какова цель этого документа? насколько информация этого документа совпадает с другими источниками?

При работе над данной темой мне весьма пригодился опыт, приобретенный во время подготовки совместно с А.А. Здановичем книги об одном из выдающихся деятелей «черного кабинета» – В.И. Кривоше. Дело в том, что этот талантливейший перлюстратор и криптограф обладал непомерным тщеславием. В результате он всячески старался приукрасить свою биографию, приписывая себе окончание Венской дипломатической школы и двух факультетов Петербургского университета; работу в качестве помощника заведующего или даже заведующего императорской библиотекой в Зимнем дворце; написание (при минимальном редактировании Лениным) обращения советского правительства к послам Антанты, т. е. создание первого документа советской внешней политики, и т. д. и т. п. В результате в книгах и статьях словацких авторов, неоднократно писавших о нем с излишней доверчивостью, присутствует много ошибок¹⁵⁴.

Особую ценность представил комплект документов, изъятых из дел Департамента полиции следователем Чрезвычайной следственной комиссии П.Г. Соловьевым в июне – июле 1917 года, а также протоколы допросов лиц, связанных с деятельностью «черных кабинетов». Ценно то, что допросы проводились не только в Петрограде, но и в городах, где располагались перлюстрационные пункты. Допросы вели следователи и прокуроры судебных палат. Эти материалы находятся на хранении в ГАРФе¹⁵⁵, а часть их опубликована в уже упоминавшемся мной семитомном издании «Падение царского режима. Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства»¹⁵⁶.

Вместе с тем и здесь соблюдался принцип «критики источников». Дело в том, что бывшие руководители перлюстрации, сообщая на допросах в 1917 году много интересного и важного, одновременно пытались преуменьшить свое участие в этих делах или прямую роль Николая II. Например, министр внутренних дел в 1913–1915 годах Н.А. Маклаков уверял на допросе 20 сентября 1917 года, что якобы доклады о пенсиях и о награждении чиновников, работавших по секретной части, «никогда государем не обсуждались» и «в самих докладах слово “перлюстрация” не упоминалось», что было неправдой¹⁵⁷. Министр внутренних дел в 1911–1912 годах А.А. Макаров, товарищ министра П.Г. Курлов, директор ДП Н.П. Зуев уверяли, что никогда не давали указаний о задержании или просмотре чьей-либо корреспонденции. По словам Макарова, он якобы «никогда не докладывал государю о перлюстрации и выписках», что опровергается документами¹⁵⁸. Бывший вице-директор ДП С.Е. Виссарионов на допросе 26 августа 1917 года заявил, что «в перлюстрационных кабинетах никогда не бывал и с порядком производства вскрытия и просмотра писем не знаком». Это было откровенной ложью, ибо именно Виссарионов в феврале 1910 года провел подробную ревизию трех перлюстрационных пунктов¹⁵⁹. Столь же малоправдоподобным представляется утверждение бывшего директора ДП и товарища министра внутренних дел С.П. Белецкого на допросе в августе 1917 года, что до 1910 года он «о существовании перлюстрации... и не подозревал»¹⁶⁰. При этом в ходе

¹⁵⁴ См.: Зданович А.А., Измозик В.С. Сорок лет на секретной службе.

¹⁵⁵ ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 1000–1002.

¹⁵⁶ Падение царского режима. Т. 1–7. М.; Л., 1924–1927.

¹⁵⁷ ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 1000. Л. 153.

¹⁵⁸ Там же. Л. 176, 180 об. – 181, 184.

¹⁵⁹ ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 1000. Л. 126–126 об.; Д. 1001. Л. 16–25 об.

¹⁶⁰ Там же. Д. 1000. Л. 135 об.

допроса Белецкий проговорился, что имел отношение к многоходовой комбинации по восстановлению в январе 1909-го «черного кабинета» в Тифлисе¹⁶¹.

Руководитель «черных кабинетов» Российской империи с 1914 года, занимавшийся перлюстрацией с 1882-го, М.Г. Мардарьев на допросе 19–20 июня 1917 года говорил, что якобы «никаких директив» по вопросу отбора писем не давалось и «в то время в частной переписке шифров и “химических чернил” не было», что противоречит фактам. Также Мардарьев уверял, что «как была организована перлюстрационная часть в остальных местностях России», он не знает. Это тоже было неправдой. Вместе с тем он признался, что в первые же дни после свержения монархии в феврале 1917 года уничтожил свои черновые записи о ведении перлюстрации за 1916 год¹⁶². Последний царский министр внутренних дел А.Д. Протопопов, говоря о своем знакомстве с «заведывавшим перлюстрационным бюро Мардарьевым», упомянул, что тот «уже тридцать лет вел это дело», что было абсолютно неверно¹⁶³. Возможно, именно так зародилась уже знакомая нам легенда, кочующая по компилятивным публикациям, о старичке, который на протяжении десятилетий являлся к новым министрам внутренних дел с сообщением о ведении перлюстрации.

Очень важными и интересными оказались материалы дела бывших сотрудников петербургского «черного кабинета» и помогавших им почтовых чиновников Петербургского почтамта, привлеченных к дознанию в ноябре 1929 года Полномочным представительством ОГПУ в Ленинградском военном округе. Всего было допрошено девятнадцать человек. Восемь человек было арестовано, одиннадцать находились под подпиской о невыезде. Среди них пятеро – Л.Х. Гамберг, Л.П. Григорьев, М.М. Милевский, Ф.Г. Тизенгаузен и Р.В. Швейер – трудились в цензуре иностранных газет и журналов Санкт-Петербургского почтамта, занимаясь перлюстрацией. Четверо были сторожами при цензуре и выполняли также разовые поручения по доставке отобранной корреспонденции из почтамта в «черный кабинет», от перлюстраторов в Департамент полиции. Десять человек были особо доверенными почтовыми чиновниками – они осуществляли отбор корреспонденции для последующего просмотра. К моменту ареста старшему из привлеченных было семьдесят лет, младшему – тридцать семь.

Информационный отдел ОГПУ указал своим ленинградским коллегам на необходимость в ходе следствия «особенно заострить внимание на выявление непосредственных чиновников “черных кабинетов” и на установление методов работы его». Поэтому допрашиваемые достаточно откровенно и подробно вспоминали о своих сослуживцах конца XIX – начала XX века, рассказывали о принципах привлечения к секретной работе, размерах неофициального денежного вознаграждения, отборе корреспонденции, методах ее вскрытия, связях с дипломатическим ведомством, военно-морской разведкой, Департаментом полиции и т. п. Например, И.И. Кудряшов, служивший в цензуре иностранных газет и журналов с 1894 года и в 1906-м переведенный в экспедицию городской почты, где координировал всю работу по отбору корреспонденции, в ходе допроса назвал двадцать одну фамилию сотрудников цензуры и пятнадцать фамилий почтовых чиновников, сотрудничавших с «черным кабинетом». Служащий почтамта А.Т. Тимофеев перечислил тринадцать фамилий сослуживцев, работавших по отбору корреспонденции. Л.П. Григорьев, выполнявший в «черном кабинете» обязанности секретаря-машиниста, назвал двадцать одного сотрудника цензуры иностранных газет и журналов. За исключением отдельных неизбежных ошибок памяти (к примеру, тот же Кудряшов среди революционных деятелей, чья переписка просматривалась, назвал М.А. Бакунина, умершего в 1876 году), вся информация, имеющаяся в деле, достоверна, точна и интересна. Это под-

¹⁶¹ Там же. Л. 138 об.; Д. 1001. Л. 37–37 об., 40–40 об.; РГИА. Ф. 1289. Оп. 4. Д. 2035. Л. 43.

¹⁶² ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 1000. Л. 44, 47 об., 48 об. – 49.

¹⁶³ Падение царского режима. Т. 4. М.; Л., 1926. С. 110.

тверждается сопоставлением протоколов допросов с другими архивными и опубликованными источниками¹⁶⁴.

Если к протоколам допросов я отношусь с высоким доверием, поскольку они проводились в 1929 году и показания давали девятнадцать человек, что позволяет в основном их сопоставить и перепроверить, то при работе с мемуарами я старался сохранять особую настороженность. Во-первых, они, как правило, пишутся спустя много лет после описываемых событий, а память человека избирательна и несовершенна. Во-вторых, автор мемуаров почти всегда старается представить себя с положительной стороны и подчеркнуть свое знание скрытых пружин «высокой политики». Приведу один пример. Историки частенько используют мемуары жандармского генерал-майора В.Д. Новицкого, занимавшего многие годы должность начальника Киевского губернского жандармского управления. В них, безусловно, немало интересного, но они требуют проверки. В частности, Василий Демьянович, ссылаясь на слухи («как говорили»), рассказывает, что одной из причин «ненависти и нерасположения» цесаревича Александра Александровича к графу П.А. Шувалову, главе III Отделения и шефу Корпуса жандармов, было то, «что одно из частных писем наследника содержанием своим сделалось известным Государю через перлюстрацию писем на почте». Наследник же был убежден, что делом перлюстрации руководит граф Шувалов¹⁶⁵.

Если анализировать данный эпизод в контексте биографии Александра III, речь здесь может идти о событиях лета 1865-го – весны 1866 года. В это время великий князь был глубоко увлечен княжной Марией Мещерской, фрейлиной императрицы Марии Александровны. Решительное объяснение между ними произошло 19 июня 1865 года. Но в связи со смертью старшего сына императора, Николая Александровича, 12 (24) апреля 1865 года Александр Александрович стал наследником престола, и выбор им будущей жены оказался делом государственной важности. Родители, Александр II и Мария Александровна, хотели, чтобы сын женился на невесте умершего Николая, датской принцессе Дагмаре.

Дневник Александра Александровича в полной мере передает те муки сердца, которые испытывал двадцатилетний молодой человек, разрываясь между чувством первой любви и чувством долга будущего монарха. На рубеже 1865–1866 годов состоялись разговоры сына с родителями о женитьбе на принцессе Дагмаре. Цесаревич дал свое согласие. Но забыть любимую девушку он не мог. В его дневнике 15 марта 1866 года есть запись: «Я ее [Марию] не на шутку люблю, и если бы был свободным человеком, то непременно бы женился...». В апреле 1866 года одна из французских газет напечатала статью об увлечении русского цесаревича княжной Мещерской. Заметку перепечатал ряд европейских изданий, в том числе в Дании. Необходимо было окончательное решение. 29 мая княжна Мария выехала во Францию. В этот день произошло ее прощальное свидание с наследником престола. В Париже она вышла замуж за князя П.П. Демидова и умерла летом 1868 года при родах. В свою очередь, Александр Александрович стал мужем принцессы Дагмары (Марии Федоровны), и их брак в личном плане оказался очень счастливым¹⁶⁶.

Из этого видно, что перлюстрация письма Александра Александровича, если таковое существовало, могла произойти до конца мая 1866 года. Но в то время влюбленные находились рядом и посылать письма по почте не было необходимости. Граф П.А. Шувалов же был назначен начальником III Отделения и шефом Корпуса жандармов лишь 10 апреля 1866 года, будучи до этого генерал-губернатором Прибалтики (Остзейского края). В результате эпизод, рассказанный В.Д. Новицким, представляется недостоверным.

¹⁶⁴ Архив Управления ФСБ по городу Санкт-Петербургу и Ленинградской области. Д. П-74440. Л. 1–281.

¹⁶⁵ Новицкий В.Д. Из воспоминаний жандарма. М.: МГУ, 1991 [репринт издания 1929 года]. С. 72–73.

¹⁶⁶ Боханов А.Н. Император Александр Третий. М.: Вече, 2007. С. 57–73.

Откровенно лживым является утверждение Новицкого, что якобы со времени Александра III перлюстрация писем «практиковалась чрез особых доверенных почтовых цензоров, которые *никакого отношения и сношения с чинами корпуса жандармов никогда не имели* [курсив мой. – В.И.]»¹⁶⁷. Это опровергается огромным количеством документов, доказывающих непосредственное сотрудничество тружеников перлюстрации со служителями политической полиции.

Интересный источник – воспоминания бывших руководителей политического сыска России начала XX века: А.Т. Васильева, А.В. Герасимова, В.Ф. Джунковского, П.П. Заварзина, А.П. Мартынова¹⁶⁸. Но и здесь необходимо соблюдать все принципы работы с мемуарами. Например, вице-директор и директор Департамента полиции МВД в 1913-м – феврале 1917 года А.Т. Васильев, вспоминая о перлюстрации, писал, что «у законопослушных граждан не было никакого основания бояться почтовой цензуры, так как частными делами она в принципе не занималась»¹⁶⁹. Товарищ министра внутренних дел в 1913–1915 годах В.Ф. Джунковский утверждал, что он «наистрожайше запретил всякую перлюстрацию, помимо “штатных”, хотя и совершенно секретных “черных кабинетов”»¹⁷⁰. Это также, как увидит читатель, неверно.

Я уже говорил о необходимости крайне осторожно использовать воспоминания С. Майского (В.И. Кривоша) и проверять их другими источниками. Так, он пишет о приказании внимательно следить за перепиской великой княгини Марии Павловны, а кроме того, снимать фотографии с переписки великого князя Михаила Александровича с дочерью предводителя дворянства одной из южнорусских губерний и «дешифровать детски наивный шифр, коим они думали скрыть свои планы на будущее», в частности «намерение уехать в Англию, чтобы там обвенчаться»¹⁷¹. Эту информацию можно в принципе считать достоверной, за исключением намерения наследника престола уехать с любимой именно в Англию. Дело в том, что великая княгиня Мария Павловна-старшая (1854–1923), супруга, а затем вдова великого князя Владимира Александровича, урожденная великая герцогиня Мекленбург-Шверинская, действительно находилась в оппозиции к Николаю II и Александре Федоровне. Известно также об увлечении великого князя Михаила Александровича, родного брата Николая II и наследника престола в 1899–1904 годах, дочерью предводителя дворянства одной из южнорусских губерний.

В других случаях сведения Майского (Кривоша) являются эксклюзивными. Например, об отношении к перлюстрации Николая II он пишет следующее:

Наконец, осталось еще сказать несколько слов о причастности к перлюстрации царя. Когда какое-нибудь письмо представляло собою исключительный интерес, то, кроме отправления выписки из него по назначению министру внутренних дел, или иностранных дел, начальнику Генерального штаба, или в Департамент полиции, дубликат ее представлялся царю, а иногда, смотря по содержанию письма, выписка представлялась только ему одному. С этой целью такие выписки, чисто напечатанные на пишущей машинке, в особом большом конверте с напечатанным на нем адресом царя, одним из секретных чиновников, пользовавшимся исключительным доверием царя, относились лицу, служившему и жившему во дворце и имевшему

¹⁶⁷ Новицкий В.Д. Из воспоминаний жандарма. С. 73.

¹⁶⁸ Джунковский В.Ф. Воспоминания. Т. 1–2. М.: Изд-во им. братьев Сабашниковых, 1997; «Охранка»: Воспоминания руководителей охранных отделений. Т. 1–2. М.: Новое литературное обозрение, 2004.

¹⁶⁹ Васильев А.Т. Охрана: русская секретная полиция // «Охранка»: Воспоминания руководителей охранных отделений. Т. 2. С. 384.

¹⁷⁰ Джунковский В.Ф. Воспоминания. Т. 2. С. 274.

¹⁷¹ Майский С. «Черный кабинет» // Зданович А.А., Измозик В.С. Сорок лет на секретной службе. С. 287–289.

без особого доклада доступ к царю. Через это же лицо царь передавал приказания следить за перепиской кого-либо из приближенных, или даже членов царской фамилии, подозреваемых им в каких-либо неблагоприятных поступках. Так, по сличению почерков, благодаря перлюстрации, удалось узнать фамилию лица, сообщавшего за границу разные нежелательные с точки зрения придворной этики сведения, или имя автора анонимно изданной в Лондоне на английском языке книги с изложением тайн петроградского двора, каковым оказался пользовавшийся особым расположением царя барон. <...> Отношение царя к перлюстрации было весьма своеобразным. Он ею, по-видимому, очень интересовался, ибо когда дней 8–10 не получал конверта с выписками, то спрашивал, почему ему ничего не присылают, а когда получал хорошо ему знакомый по наружному виду конверт, то оставлял дело, коим занимался, сам вскрывал конверт и принимался тотчас же за чтение выписок. Несмотря на это, однако, он не принимал никаких мер согласно данным, черпаемым из выписок; так, например, он не удалил от себя барона, автора английской книги с тайнами дворца, и ничем не дал понять лицу, сообщавшему за границу нежелательные сведения, то, что он осведомлен об его неблагонадежности. <...> То же замечалось и тогда, когда деятельность какого-либо министра критиковалась всеми, и в письмах прямо приводились не только его промахи, но и злоупотребления. Царь все это читал, иногда приказывал «привести более точные и подробные данные», а любимец-министр продолжал себе благодушествовать на своем посту и набивать карманы, пока совсем не оскандалится.

Насколько царь интересовался деятельностью «черного кабинета», видно еще из того, что он однажды собственноручно отобрал 4 золотые и серебряные с гербами и бриллиантами портсигара в качестве царских подарков и передал их секретному чиновнику, пользовавшемуся его исключительным доверием, для раздачи сослуживцам в виде поощрения за полезную деятельность¹⁷².

Эти сведения, безусловно, весьма красочны и любопытны, но насколько они достоверны? Насколько историк может им доверять? Я уже писал выше, а еще более подробно – в монографии, посвященной персонально В.И. Кривошу, что Владимир Иванович был очень осведомленным человеком, но одновременно и крайне тщеславным, любившим устраивать различного рода мистификации с целью придания своей персоне более высокой значимости¹⁷³. Попробую проанализировать вышеприведенный отрывок с учетом всех известных мне сведений.

Прежде всего, кто этот «секретный чиновник, пользовавшийся особым доверием царя» и кто то лицо, которое имело «без особого доклада доступ к царю»? Понятно, что «секретный чиновник» – это не А.Д. Фомин и не М.Г. Мардарьев (руководители дела перлюстрации при Николае II). К моменту первой публикации воспоминаний Майского (Кривоша) Фомин уже умер, а имя Мардарьева дважды открыто названо в тексте мемуаров. Напрашивается мысль, что под этим таинственным чиновником Майский (Кривош) имеет в виду самого себя, особенно если вспомнить, что еще в 1907 году он подал на высочайшее имя (через князя В.Н. Орлова, начальника Военно-походной канцелярии Николая II) проект создания сверхсекретной службы придворной перлюстрации при библиотеке Зимнего дворца. К тому же после вынужденного скандального ухода из «черного кабинета» 1 декабря 1911 года Владимир Иванович с января 1912 года по август 1914-го, кроме других мест, трудился вне штата в библиотеке Зимнего дворца. В сентябре 1917 года бывший директор Департамента полиции и быв-

¹⁷² Там же. С. 287–288.

¹⁷³ Зданович А.А., Измозик В.С. Сорок лет на секретной службе. С. 18–20, 30–35, 118–126, 185–187.

ший товарищ министра внутренних дел С.П. Белецкий утверждал, что Кривош «организовал при содействии... князя Орлова особую придворную перлюстрацию, освещавшую группу лиц, близких ко Двору», включая вдовствующую императрицу Марию Федоровну и сестру Николая II Ксению Александровну¹⁷⁴. Тем не менее я должен подчеркнуть, что ни подтвердить, ни опровергнуть эти отрывки из воспоминаний Майского (Кривоша) достаточных оснований пока нет. Остается принять их как версию.

Своими особенностями в данном случае отличалась и работа в архивах. Так, у каждого чиновника Российской империи имелся послужной список (формуляр), в который вносились все его перемещения по службе, награды, размер жалованья и т. п. Но формуляры чиновников «черных кабинетов» не отражают ни их подлинных занятий, ни реального размера жалованья (ибо до двух третей выплат производились из секретных сумм). Поэтому подлинное знание возникает лишь в результате использования комплекса документов, в том числе секретной переписки.

В книге речь идет именно об истории перлюстрации почтовых отправлений. Однако лишь частично освещена история «черных кабинетов» в Царстве Польском и крайне скудно – в Великом княжестве Финляндском. Дело в том, что «черный кабинет» в Варшаве до 1867 года находился в ведении наместника и эти материалы хранятся в польских архивах. Перлюстрация в Финляндии в силу автономного положения княжества вообще не подчинялась российскому руководству и имела с аналогичной российской службой лишь отдельные точки соприкосновения, о которых я далее упоминаю.

К сожалению, мне не удалось разыскать достаточный комплект документов, позволяющий судить о перлюстрации телеграфных отправлений. Здесь в нашем распоряжении имеются лишь отрывочные сведения. С.П. Белецкий, вице-директор ДП (июль 1909-го – февраль 1912 года), директор ДП (февраль 1912-го – январь 1914 года), товарищ министра внутренних дел (сентябрь 1915-го – февраль 1916 года), на допросе 13 сентября 1917 года говорил, что, будучи товарищем министра внутренних дел, предполагал организовать перлюстрацию телеграфной корреспонденции. Но тогдашний руководитель «черных кабинетов», старший цензор Санкт-Петербургского почтамта М.Г. Мардарьев сообщил Белецкому, что заведующий телеграфной частью Главного управления почт и телеграфов инженер П.С. Осадчий не подходит для этого по своим политическим убеждениям. В результате планы остались без исполнения¹⁷⁵. Вместе с тем знаменитый специалист, начальник шифровального отделения Департамента полиции И.А. Зыбин, служивший в ДП с августа 1887-го, показал на допросе в июне 1917 года, что Главное управление почт и телеграфов выдавало губернским жандармским управлениям на право выемки телеграмм особые именные открытые листы (о таких листах я уже упоминал)¹⁷⁶. Наконец, начальник телеграфа железнодорожной станции города Тулы Грудман рассказал председателю следственной комиссии Тульского губернского временного исполнительного комитета А.И. Рязанову 30 июня 1917 года, что на станции с 1906-го по 1914 год стоял особый тайный телеграфный аппарат с возможностью приема и перлюстрации телеграмм от Москвы до Курска. Такие же аппараты, по его словам, имелись на станциях Москвы, Курска и Нижнего Новгорода¹⁷⁷. Отсюда можно заключить, что эта сюжетная линия достойна быть предметом дальнейших исследований.

¹⁷⁴ Зданович А.А., Измозик В.С. Сорок лет на секретной службе. С. 112–125.

¹⁷⁵ ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 232. Ч. 2. Л. 139; Д. 1000. Л. 145 об. – 146. П.С. Осадчий (1866–1943) – сотрудник, помощник начальника Главного управления почт и телеграфов (1893–1915); профессор (с 1898 года), директор Петроградского электротехнического института (1918–1924), заместитель председателя ГОЭЛРО и Госплана РСФСР и СССР (1921–1929). Был осужден 18 марта 1931 года по делу «Промпартии» на десять лет заключения, освобожден в 1935-м. Реабилитирован в 1989 году.

¹⁷⁶ Там же. Д. 1000. Л. 35 об.

¹⁷⁷ Там же. Л. 57–58.

Глава 1

«Неприкасаемая тайна». Официальная служба перлюстрации в Российской Империи: Возникновение и развитие в XVIII – XIX веках

1. Частная переписка в законодательстве Российской империи

С появлением регулярной почтовой связи возникла необходимость в охране почтовых отправок, их неприкосновенности. В России впервые такое требование было представлено в указе Петра I от 12 ноября 1698 года «О сборе в сибирских и поморских городах таможенных пошлин». Там, где речь шла об учреждении сибирской почты, указывалось: «Отнюдь ничьей грамотки не распечатывать и не смотреть»¹⁷⁸. Затем тайну переписки подтвердила Екатерина II. Высочайшее повеление в январе 1782 года, направленное губернаторам генерал-прокурором А.А. Вяземским, гласило: «Дабы должное к почтам доверие не токмо сохраняется, но и далее распространяемо было и вследствие того, чтобы никакая власть или начальство или кто бы то ни был, не дерзали открывать писем на почтах, пересылаемых внутри империи или же их удерживать»¹⁷⁹. Взойдя на престол, Александр I уже 12 апреля 1801 года повелел главному директору почт Д.П. Трошинскому дать секретное предписание местным почтовым начальникам, чтобы «корреспонденция, производимая между частными людьми, была неприкосновенна и вообще изъята от всякого осмотра и открытия»¹⁸⁰. Когда в 1819 году Санкт-Петербургский военный губернатор М.А. Милорадович и губернское правление обратились в Санкт-Петербургский почтамт с требованием о выемке пакета на имя купца Лагутина, Комитет министров постановил, что такое действие было бы противно почтовым правилам и могло бы поколебать доверие публики к почте¹⁸¹. В 1823 году, «в видах вящего поддержания доверия публики к почтам», последовало высочайшее повеление, «чтобы заведывающие разными частями отдельных управлений не обращались к почтовым местам с требованиями о выдаче им с почты корреспонденции частных лиц, или о непринятии от кого-либо вовсе корреспонденции на почту»¹⁸². Николай I 23 января 1827 года по докладу главноначальствующего над Почтовым департаментом князя А.Н. Голицына распорядился, чтобы «казенные места и лица, управляющие различными частями, отнюдь не делали требований об удержании чьей-либо корреспонденции или непринятия таковой от находящихся под присмотром или арестом, исключая тех случаев, когда бы последовало на сие Высочайшее повеление; в случае же необходимости представляли бы об оном министрам или главным своим начальникам, которых обязать будет испросить на то Высочайшее повеление»¹⁸³. Циркуляр главноначальствующего над Почтовым департаментом В.Ф. Адлерберга от 27 апреля 1844 года напоминал почтовым служащим об особом высочайшем повелении, коим подтверждалось издавна существующее правило о неприкосновенности частных писем¹⁸⁴.

¹⁷⁸ ПСЗ. Собр. 1-е. Т. 3. СПб., 1830. № 1654.

¹⁷⁹ Письмо генерал-прокурора князя А.А. Вяземского 10 января 1782 г. // Русский архив. 1889. Кн. 1. № 3. С. 397.

¹⁸⁰ ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 1002. Л. 109–109 об.

¹⁸¹ С. О неприкосновенности почтовой корреспонденции по русскому законодательству // Журнал Юридического общества при императорском Санкт-Петербургском университете. 1895. Кн. 3. С. 90.

¹⁸² РГИА. Ф. 1284. Оп. 241. Д. 246. Л. 135 об.

¹⁸³ С. О неприкосновенности почтовой корреспонденции по русскому законодательству. С. 90.

¹⁸⁴ Сборник постановлений и распоряжений по почтово-телеграфному ведомству. Ч. 1. Почтовая. СПб., 1885. Ст. 758.

В докладе главноначальствующего над Почтовым департаментом Ф.И. Прянишникова в 1859 году Александру II отмечалось, что «Почтовое управление, охраняя неприкосновенность письменных сношений, как не подлежащих оглашению, <...> постоянно отказывало... не только в выдаче с почты частных писем в посторонние руки, но и вообще в доставлении каких-либо относительно этой корреспонденции сведений. Изъятия допущены в этом отношении только для корреспонденции банкротов, которая, по закону, передается в учреждаемые над ними конкурсы». На подлиннике этого доклада Прянишников сделал пометку, что 30 июля 1859 года Александр II «повелел руководствоваться и впредь правилами о неприкосновенности частной корреспонденции»¹⁸⁵.

24 апреля 1868 года Почтовый департамент МВД отправил во все подчиненные ему учреждения циркуляр. Он вновь подтверждал «правило о неприкосновенности частных письменных сношений, в силу которого никакие требования присутственных и судебных учреждений не только относительно частной корреспонденции, но и сведений о ней, не подлежат исполнению со стороны почтовых учреждений»¹⁸⁶.

Судебное законодательство Российской империи предусматривало уголовную ответственность за незаконное вскрытие почтовой корреспонденции. В Уложении о наказаниях уголовных и исправительных, утвержденном 15 августа 1845 года, статья 379-я гласила: «За распечатание с намерением казенной или принадлежащей частному лицу или надписанной на имя одного бумажки, без особенного на то права или предписания <...> виновный приговаривается: к строгому выговору, или к вычету от трех до шести месяцев из времени службы, или к отрешению от должности, смотря по обстоятельствам...»¹⁸⁷. Но если эта статья касалась тайны переписки лишь косвенно, то статья 153-я прямо говорила об ответственности почтовых служащих: «Почтовый чиновник или служитель, распечатавший, хотя бы из одного только любопытства, отданное для отправления с почтою или полученное по почте письмо, адресованное на имя другого лица, подвергается за сие удалению от должности. Буде же сие учинено им для сообщения содержания письма кому-либо другому, то он приговаривается: почтовый чиновник к исключению из службы, а почтальоны к определению в военную службу рядовыми»¹⁸⁸. Таким образом, почтмейстер Иван Кузьмич Шпекин, герой комедии «Ревизор», рисковал потерей службы с грозной записью в формуляре.

В последующем наказания за подобные проступки лишь ужесточались. Согласно указу «Об изменении некоторых статей Свода законов» от 22 марта 1860 года, почтовый чиновник мог за подобные действия получить уже от шести месяцев до одного года заключения в смирительном доме¹⁸⁹. Поскольку указом от 24 апреля 1884 года смирительные и рабочие дома были ликвидированы, то Уложение о наказаниях уголовных и исправительных издания 1885 года в статье 1104-й устанавливало за нарушение тайны почтовой корреспонденции, «хотя бы из одного только любопытства», удаление от должности и заключение в тюрьму на срок от четырех до восьми месяцев. Статья 1102-я карала почтового чиновника, почтальона или иного служителя почты за передачу кому-либо письма, адресованного другому человеку, «без дозволения последнего» лишением всех прав состояния и заключением в тюрьму на срок от восьми месяцев до года и четырех месяцев¹⁹⁰. Наконец, Уголовное уложение, утвержденное Николаем II 22 марта 1903 года, касалось этой проблемы в статьях 542-й и 680-й. В статье 542-й объявлялось, что «виновный в самовольном вскрытии заведомо чужих письма, депеши

¹⁸⁵ ГАРФ. Ф. 109. Оп. 3а. Д. 508. Л. 27–27а.

¹⁸⁶ Сборник постановлений и распоряжений по почтово-телеграфному ведомству. Ч. 1. Ст. 758.

¹⁸⁷ ПСЗ. Собр. 2-е. Т. 20. Ч. 1. СПб., 1846. № 19283.

¹⁸⁸ Там же.

¹⁸⁹ Там же. Т. 35. Ч. 1. № 35588.

¹⁹⁰ ПСЗ. Собр. 3-е. Т. 4. СПб., 1884. № 2172; Свод законов Российской империи. Т. XV. СПб., 1857. Ст. 33, 1102, 1104.

или иной бумаги наказывается арестом на срок не выше одного месяца» или штрафом не свыше 100 руб. Если же вскрытие почтовой корреспонденции или телеграммы из корыстных побуждений совершал служащий почтово-телеграфного ведомства, то он, согласно статье 680-й, подлежал тюремному заключению. То же наказание предусматривалось и в случае допуска к таким действиям другого служащего или иного лица¹⁹¹.

Действительно, когда поступала информация о незаконных действиях почтово-телеграфных чиновников, проводилось служебное расследование. Например, в августе 1867 года управляющий Петрозаводской губернской почтовой конторой П.И. Ломачевский сообщил в Министерство почт и телеграфов, что, по имеющимся сведениям, «каргопольский почтмейстер [Ф.В. Елошин] позволяет себе читать проходящие через вверенную ему почтовую контору не принадлежащие ему письма». Управляющий министерством Н.И. Лаубе распорядился провести секретное дознание и, если сведения подтвердятся, сделать «строжайшее внушение», предупредив, что «в случае повторения будет уволен от службы». Но почтмейстеру удалось опровергнуть обвинение¹⁹².

Неприкосновенность частной переписки внешне ограничивалась лишь специальными законами или распоряжениями императора. В Артикуле воинском, утвержденном Петром I 26 апреля 1715 года, имелся параграф 124, в котором объявлялось: «Никто из пленных да не дерзает письма свои сам запечатывать... и тайным образом оныя пересылать. Но должен, не запечатав, коменданту вручить»¹⁹³. Согласно Уставу о банкротах, принятому 19 декабря 1800 года, их письма должны были пересылаться до учреждения конкурса в судебное место, а по учреждении конкурса – в конкурс и распечатываться при банкроте и его кредиторах¹⁹⁴. Постановление Комитета министров от 26 февраля 1818 года предусматривало получение страховых отправок нижними чинами через полковое начальство. Особый случай представляла переписка «политических преступников». В 1826 году, после восстания декабристов, Николай I повелел, чтобы вся корреспонденция для отправленных на каторгу и в ссылку «была выдаваема им и принимаема от них на почту через начальников губерний». Для этого из МВД в Почтовый департамент присылались списки сосланных «государственных преступников»¹⁹⁵.

После польского восстания 1830–1831 годов, а именно в 1833 году, появилось секретное повеление Николая I, чтобы командиры воинских частей «не позволяли нижним чинам из поляков самим отдавать письма на почту и проезжающим лицам, но требовали оные к себе и ежели, по рассмотрении не окажется в них ничего противного порядку, то отправляли бы их по принадлежности». Вновь это повеление было восстановлено в декабре 1863 года в связи с новым восстанием в Польше и Литве¹⁹⁶.

Положение об устройстве почтовой части, высочайше утвержденное 22 октября 1830 года, разрешало почтовым служащим «при подозрении о недозволенном вложении в письмо денег или вещей требовать от посылателя вскрыть его». Если подозрение подтверждалось, должна была следовать конфискация этих денег и вещей при передаче одной четвертой части недозволенного вложения открывателю и трех четвертых частей – в казну. Также предусматривалось, что не полученные в срок рестоные (отправленные до востребования) письма через месяц вскрываются для обнаружения адреса отправителя¹⁹⁷. Циркуляр Почтового департамента от 13 сентября 1834 года извещал о соглашении главноначальствующего над Почтовым департаментом князя А.Н. Голицына и министра юстиции Д.В. Дашкова в том, что

¹⁹¹ ПСЗ. Собр. 3-е. Т. 23. Ч. 1. СПб., 1903. № 22704.

¹⁹² Национальный архив Республики Карелия [далее – НАРК]. Ф. 536. Оп. 3. Д. 21. Л. 65, 69–70.

¹⁹³ Российское законодательство X – XX вв. Т. 4. М.: Юридическая литература, 1986. С. 356.

¹⁹⁴ ПСЗ. Собр. 1-е. Т. 26. № 19692. Отделение IV. П. 24.

¹⁹⁵ РГИА. Ф. 1282. Оп. 1. Д. 129. Л. 11–11 об.

¹⁹⁶ НАРК. Ф. 536. Оп. 3. Д. 45. Л. 24.

¹⁹⁷ ПСЗ. Собр. 2-е. Т. 5. Ч. 2. СПб., 1831. № 4020.

получение арестантами писем, денег и посылок будет производиться через прокурорский надзор¹⁹⁸. По сути, возможность нарушения неприкосновенности тайны частной переписки предусматривалась статьей 369-й Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года: «Не почитается превышением власти: 1) когда министр или другой государственный сановник отступит в своих действиях от обыкновенных правил по особенному на сей случай или вообще на случай сего рода данному от верховной власти уполномочию»¹⁹⁹.

Александр II 26 апреля 1863 года утвердил положение Комитета министров «О надзоре за лицами, обнаружившими вредные политические стремления». Во исполнение этого документа МВД издало инструкцию полиции. В параграфе 7 указывалось, что почтовая переписка лиц, «обнаруживших вредные политические стремления», «оставаясь неприкосновенною, должна обращать на себя внимание начальника полиции, по отношению к лицам, с которыми производится, и к местностям, куда направляется». Поэтому почтовые конторы должны были «по требованию полиции, словесно или письменно сообщать, кому и куда посылаются письма от отданного под надзор лица, если это имя известно и, во всяком случае, должны извещать о том, из каких местностей получают адресованные на его имя письма»²⁰⁰. 2 января 1864 года император утвердил доклад министра внутренних дел П.А. Валуева «О подчинении наблюдению лиц, сосланных в разные губернии» – о просмотре корреспонденции лиц, высланных из Царства Польского и Западного края Российской империи во внутренние губернии²⁰¹. Дальнейшим шагом стал секретный циркуляр Валуева губернаторам от 5 февраля 1865 года, предписывавший уже письма всех политических ссыльных иностранным дипломатам и за границу направлять в III Отделение²⁰². В том же году был поднят вопрос о праве «политических преступников» переписываться между собой. Александр II утвердил мнение о праве их на переписку и о необходимости просмотра этих писем начальниками губерний Западной и Восточной Сибири. Но одновременно делалась многозначительная оговорка: «Переписку их [политических ссыльных] следует допускать в известном ограниченном размере»²⁰³.

Именным указом по докладу министра внутренних дел А.Е. Тимашева 24 февраля 1868 года Александр II дал согласие, чтобы «в видах содействия возможно большему раскрытию преступных деяний» судебные учреждения, «в случаях особой важности», обращались с требованиями сведений о частной почтовой и телеграфной корреспонденции в Министерство юстиции и получали через министерство эти сведения²⁰⁴. В июне 1872 года последовал циркуляр Тимашева о «надлежащем просмотре» переписки всех без исключения «поднадзорных <...> по политической неблагонадежности, а равно и осужденных по приговорам судов политических преступников» и объявлении им об этом²⁰⁵. 27 апреля 1873 года Александр II повелел «просмотр почтовой и телеграфной корреспонденции высланных по политическим причинам из Западного края и Царства Польского поляков, находящихся ныне под надзором полиции в Европейской России, прекратить». Но на запрос ярославского губернатора И.С. Унковского, касается ли это бывшего варшавского архиепископа Сигизмунда-Феликса Фелинского, последовал ответ из Министерства внутренних дел, что циркуляр «ни в каком случае на Фелинского и его свиту не распространяется» и вообще не распространяется на лиц, высланных «особым Высочайшим повелением» или «о надзоре за коими имеется особая переписка с Министер-

¹⁹⁸ РГИА. Ф. 1282. Оп. 1. Д. 129. Л. 11–11 об.; С. О неприкосновенности почтовой корреспонденции по русскому законодательству. С. 91.

¹⁹⁹ ПСЗ. Собр. 2-е. Т. 20. Ч. 1. СПб., 1846. № 19283.

²⁰⁰ РГИА. Ф. 1282. Оп. 1. Д. 129. Л. 18–18 об.

²⁰¹ Там же. Л. 32–34.

²⁰² Там же. Л. 145–145 об.

²⁰³ РГИА. Ф. 1282. Оп. 1. Д. 129. Л. 151–153.

²⁰⁴ ГАРФ. Ф. 109. Оп. 3а. Д. 562. Л. 1 об.

²⁰⁵ РГИА. Ф. 1282. Оп. 1. Д. 129. Л. 242.

ством». Касается же циркуляр «лишь общей массы... высланных за политическую неблагонадежность». В результате олонецкий губернатор Г.Г. Григорьев сообщал в МВД, что, по его мнению, в губернии имеется лишь один ссыльный поляк, переписка которого может быть освобождена от просмотра²⁰⁶.

В декабре 1875 года начальник III Отделения и шеф Корпуса жандармов А.Л. Потапов обратился к министру внутренних дел Тимашеву (почтовое ведомство в это время входило в состав МВД), указывая «на крайнюю необходимость в быстром и своевременном задержании на почте корреспонденции лиц, привлекаемых к делам политического характера, так как эта корреспонденция часто служит единственным вещественным доказательством преступных замыслов ее авторов и указывает их соучастников». Потапов просил, чтобы «изъятие из правил о неприкосновенности частной корреспонденции, допущенное для Министерства юстиции», допустить также и для начальника III Отделения.

А.Е. Тимашев учел аргументацию Потапова при подготовке доклада императору, и 3 января 1876 года такое право шефу жандармов и начальнику III Отделения было предоставлено. В соответствии с утвержденным положением процедура получения сведений оказалась весьма долгой и предполагала существенные ограничения. Губернские жандармские управления (ГЖУ), чтобы «иметь сведения о чьей-либо политически преступной корреспонденции, должны были обращаться к Шефу жандармов. Последний запрашивал министра внутренних дел. Министр, в свою очередь, должен был секретно предписать управляющим почтовой частью в губерниях словесно сообщать местным начальникам жандармских управлений те сведения, которые им необходимы относительно корреспонденции лиц, указанных Шефом жандармов, не касаясь ее содержания, долженствующего оставаться неприкосновенным». Задержка же корреспонденции и ее выдача начальникам ГЖУ допускались «лишь относительно тех лиц, которые арестованы и то с соблюдением общих почтовых правил о выдаче корреспонденции ценной и заказной, за которую материально отвечает почтовая казна». Телеграммы должны были доставляться арестованным в места их заключения через «лиц, которым поручено иметь за ними надзор»²⁰⁷.

В 1874–1875 годах при Министерстве юстиции работала комиссия из представителей министерств внутренних дел, юстиции, военного, морского, а также II Отделения Собственной Е.И.В. канцелярии, почтового и телеграфного ведомства «для разработки вопроса о неприкосновенности частной переписки» и внесения его в Государственный совет в законодательном порядке. В конечном счете Государственный совет принял закон «Об осмотре и выемке корреспонденции лиц, против которых возбуждено уголовное преследование». Он был утвержден Александром II 30 октября 1878 года. В соответствии с ним судебные следователи могли требовать предоставления им сведений о корреспонденции лиц, привлеченных к уголовной ответственности. Но осмотр и выемка такой корреспонденции могли производиться лишь по постановлению окружных судов. Для просмотра корреспонденции лиц, заподозренных «по преступлениям государственным и по делам о противозаконных сообществах», чинам Корпуса жандармов достаточно было предъявить на почте запрос шефа жандармов, согласованный с министерствами внутренних дел и юстиции. Члены Судебной палаты, производившие следствие по таким делам, имели право осмотра и выемки корреспонденции без запроса окружных судов²⁰⁸. Высочайшим повелением 19 июня 1880 года данный порядок был распространен на военных следователей Военного и Морского министерств с обращением их в военно-окружные суды²⁰⁹.

²⁰⁶ Там же. Л. 244, 246–247, 253–253 об.

²⁰⁷ ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 1002. Л. 122–122 об.

²⁰⁸ ПСЗ. Собр. 2-е. Т. 53. Ч. 2. СПб., 1880. № 58967.

²⁰⁹ Там же. Т. 55. Ч. 1. № 61111, 61113.

В реальной жизни, конечно, эти законы толковались весьма расширительно. Так, в июне 1878 года генерал-губернатор Восточной Сибири барон П.А. Фредерикс направил начальникам губерний и областей предписание относительно наблюдения за перепиской «государственных преступников». Здесь указывалось, что такой контроль должен касаться «тех из них, особенное наблюдение за перепискою которых признается... необходимым» местным полицейским начальством²¹⁰. Наконец, 12 марта 1882 года было высочайше утверждено «Положение о полицейском надзоре, учрежденном по распоряжению полицейских властей». Пункт 29-й устанавливал право министра внутренних дел «в каждом отдельном случае воспрещать поднадзорному непосредственное получение <...> частной почтовой или телеграфной корреспонденции». Поднадзорный был обязан всю предполагаемую им к отправке корреспонденцию предоставлять на просмотр уездному исправнику или начальнику жандармского управления²¹¹.

Согласно секретному разъяснению начальника Главного управления почт и телеграфов М.П. Севастьянова от 11 апреля 1905 года, министр внутренних дел В.К. Плеве в мае 1903 года предоставил начальникам губернских жандармских управлений и охранных отделений право самостоятельно производить осмотр и выемку телеграфной корреспонденции по особым открытым листам, выданным Главным управлением. Осмотр и выемка почтовой корреспонденции чинами Корпуса жандармов должны были производиться в порядке, установленном статьей 1035-й Устава уголовного судопроизводства в новой редакции, т. е. по соглашению производящего дознание с прокурором, наблюдающим за таковым²¹². 7 июня 1904 года Государственный совет утвердил замену статьи 1035–7 Устава уголовного судопроизводства издания 1892 года статьей 1035–11, которая гласила: «В случае необходимости осмотра или выемки почтовой или телеграфной корреспонденции [при производстве следствия] таковые осмотры или выемки предпринимаются по соглашению производящего дознание с наблюдающим за оным лицом прокурорского надзора»²¹³. На этом основании Севастьянов издал 28 июля 1904 года циркуляр о том, что «о случаях задержания, осмотра и выемки корреспонденции чинами Жандармского управления доносить Главному управлению почт и телеграфов не следует»²¹⁴.

2. Зарождение и развитие службы перлюстрации в России до конца XVIII века

Итак, появилась и развивалась регулярная почтовая связь. Но одновременно с ней возникла и секретная служба перлюстрации, т. е. тайного вскрытия корреспонденции. Первоначально перлюстрация рассматривалась как инструмент внешней политики. Особо доверенные почтовые чиновники вскрывали, стараясь не оставлять следов, переписку иностранных дипломатов и копировали ее. Целью этих действий было проникновение в планы иностранцев, определение их мнений и степени осведомленности по тем или иным вопросам. Постепенно «черными кабинетами» обзавелись все европейские державы. Так, Антиох Кантемир, российский поэт и дипломат, будучи послом в Лондоне (1732–1738), сообщал в 1733 году в Петербург: «Обыкновенно всех чужестранных министров письма распечатывают и имеют искусных людей разбирать цыфири [шифры] на всяком языке». Сам Кантемир, чтобы сохранить тайну своих донесений, посылал нарочного из Лондона в Голландию отправить письма в Россию.

²¹⁰ РГИА. Ф. 1282. Оп. 1. Д. 129. Л. 298–298 об.

²¹¹ ПСЗ. Собр. 3-е. Т. 2. Ч. 2. СПб., 1886. № 730.

²¹² Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга [далее – ЦГИА СПб.]. Ф. 1209. Оп. 24. Д. 15. Л. 89.

²¹³ Собрание узаконений и распоряжений правительства. СПб., 1904. Отдел 1. № 98. Ст. 966.

²¹⁴ Почтово-телеграфный журнал. Отдел официальный. 1904. № 31. С. 589–590.

Впоследствии, став послом во Франции (1738–1744), он отправлял свою почту через Брюссель²¹⁵. В XIX веке образцовой считалась перлюстрация, проводившаяся в австрийских «черных кабинетах».

По поводу методов перлюстрации существует немало красивых мифов. Есть рассказ о том, что однажды к Джону Терло, главе секретной службы при Оливере Кромвеле в 1653–1659 годах и руководителю перлюстрации, явился незнакомец. Пришедший сказал: «Сэр, вы теряете очень много времени в “черном кабинете”. Вскрыв письма, вы снимаете копии с них, и это обходится вам дорого в смысле расходов на служащих и затраты времени. Между тем, если вы оставите меня одного с письмом, через минуту я вручу вам его точную копию. Через несколько часов письменные знаки копии пропадут, но вы за это время сможете прочесть ее». Терло принял предложение незнакомца. В результате он избавил Кромвеля от необходимости вскрыть отравленное письмо из Франции. При Карле II (1660–1688) Д. Терло удалился на покой, и тайна такой перлюстрации осталась неразгаданной. Писатель Ж. Бертье, опубликовавший эту историю, приводит мнение неназванных английских специалистов, что «это была своего рода фотография без гипосульфитного фиксажа», почему «снимки не сохранялись». Сам Бертье выдвигал предположение, что незнакомец открыл вещество, которое «не было светочувствительным, оно, вероятно, изменяло окраску при соприкосновении с чернилами, причем на несколько часов. Неизвестный, видимо, пропитывал этим веществом листы бумаги, которыми пользовался»²¹⁶. Мне же вся эта история представляется очередным мифом, не имеющим под собой реального содержания.

В России следы перлюстрации обнаруживаются с XVI века. Прежде всего она относилась к дипломатической переписке. Одной из важнейших задач дипломатов во все времена являлся и является сбор информации о стране пребывания, оценка политики властей, при которых они аккредитованы. По сути, это разведывательная деятельность. Таким образом, перлюстрация, в свою очередь, была средством контрразведки. Немецкий путешественник Сигизмунд Герберштейн, прибывший в Москву в 1526 году в качестве посла Священной Римской империи, автор знаменитых записок, так рассказывал о слухах вокруг опалы князя Василия Шемячича: «Говорят, что причина его пленения была следующая: он написал письмо польскому королю, что хочет передаться ему, и послал это письмо киевскому наместнику. Тот распечатал его и, узнав оттуда об его злом умысле против своего государя, немедленно переслал письмо государю московскому»²¹⁷.

Резидент Швеции в Москве в 1647–1650 годах Карл Поммеренинг, активно занимавшийся разведывательной деятельностью, в свою очередь жаловался 23 мая 1648 года на то, что его письма в Стокгольм были перехвачены и вскрыты в Новгороде князем Ф.А. Хилковым и дьяком Савином Завесиным. Служебное расследование показало, что дипломат вручил почту московскому ямщику Ивану Осипову. Тот передал ее своему двоюродному брату, ямщику Кузьме Дмитриеву, и велел отвезти к новгородскому переводчику Михаилу Сахарникову. Последний передал почту своему начальству. В результате новгородскому воеводе велено было впредь не допускать подобного самоуправства и пропускать почту шведского резидента «безо всякого задержанья»²¹⁸.

Официальное извинение перед шведским дипломатом и выговор новгородскому воеводе означали скорее не реальное запрещение перлюстрации, а требование проводить подобные операции, не оставляя видимых следов. То, что перлюстрация переписки иностранцев в это

²¹⁵ Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. XXIII. СПб., 1998. С. 328.

²¹⁶ Бертье Ж. Промышленный шпионаж. М., 1971. С. 40–41.

²¹⁷ Герберштейн С. Записки о московитских делах // Россия XV – XVII вв. глазами иностранцев. Л., 1986. С. 97. Шемячич Василий Иванович (?–1529) – князь Новгород-Северский и Рыльский. В 1500 году он перешел со своим уделом из Литвы к Ивану III. В 1523 году был обвинен в тайных сношениях с Литвой. С 1525 года находился в заключении.

²¹⁸ Сообщено А.С. Лавровым.

время на Московской Руси была уже делом достаточно обычным, подтверждается содержанием газеты «Вести-куранты». Это была рукописная газета, составлявшаяся в Посольском приказе на протяжении XVII века, доступная государю и узкому кругу его приближенных. Например, в 1643–1645 годах в Москве шли переговоры о женитьбе датского королевича Вальдемара на царевне Ирине Михайловне. В номерах газеты за 1644 год имеются переводы писем от 29 августа 1644 года датским послам в Москве О. Пасбергу и С. Биллу от их людей из Королевца (Кенигсберга), писем датскому королевичу Вальдемару и послу О. Пасбергу от 14 октября того же года из Вильно²¹⁹.

В 1644 году были также опубликованы переводы писем из Москвы в Гамбург и Гданьск от неких П. де Ладала, Г. Ракса и Д. Рютца. В них говорилось о торговых делах и о последних событиях в Москве. При этом де Ладал, в частности, писал: «...грамотки под Давыдов [ой] обверткою Рютца посылаю». Такая фраза, на мой взгляд, безусловно доказывает вскрытие почтового пакета и перлюстрацию его содержимого²²⁰.

Подобная практика сохранялась и в последующие годы. В 1645–1646 годах в газете были помещены переводы-пересказы писем разных лиц с вестями о событиях в Европе, Бразилии, Московском государстве и других местах. Например, был перевод письма рижанина Ефима Бека к немцу Ягану фон Стадену в Псков. В 1652 году можно было прочесть переводы писем из Лондона и городов Германии (Гамбурга, Мюнхена, Регенсбурга), Франции (Монмеди). В 1659 году письмо из Лондона рассказывало о событиях в Англии, Ирландии, Шотландии²²¹. Заметим, что соседи России действовали подобными же методами. Письма русского резидента в Варшаве В.М. Тяпкина в 1674–1676 годах читались властями. Король Ян Собеский в одну из встреч бросил ему упрек, что он писал письма «сорные и затейные [написанные тайнописью]»²²².

По инициативе боярина А.Л. Ордин-Нащокина в 1666 году была организована регулярная почта для пересылки государственных бумаг и частной переписки торговых людей. В 1668 году начал действовать почтовый тракт Москва – Вязьма – Дорогобуж через Смоленск на Вильно, столицу Литвы. Поскольку Речь Посполитая (объединение Польши и Литвы) на протяжении ряда веков была одним из главных соперников Московской Руси, то с 1690 года, как утверждает один из авторов, в Смоленске вскрывались все письма, идущие за границу²²³. Правда, если судить по документам, это все-таки была не перлюстрация, а цензура. Дело в том, что 28 апреля 1690 года думный дьяк Е.И. Украинцев направил в Смоленск воеводе князю Ф.И. Шаховскому следующую грамоту:

Если смоленские жители, шляхта или мещане, и иных чинов люди, будут писать письма за рубеж, и будут приносить эти письма переводчику Ивану Кулбацкому, который заведует приемом и отпуском почты, то этот последний, прежде отсылки их по назначению, должен предъявить их воеводе. Письма должны быть не запечатаны, чтобы без ведома воеводы никто ни о чем за границу не осмеливался писать. Если же кто о каких-нибудь делах своих или о каких-нибудь вестях будет писать за границу без ведома воеводы с какими-нибудь ездоками или с почтою, то корреспонденты и переводчик

²¹⁹ Вести-куранты. 1642–1644 гг. М.: Наука, 1976. С. 191–196.

²²⁰ Там же. С. 209–210.

²²¹ Вести-куранты. 1645–1646, 1648 гг. М.: Наука, 1980. С. 39–44, 64–66; Вести-куранты. 1648–1650 гг. М.: Наука, 1983. С. 178–180; Вести-куранты. 1651–1652, 1654–1656, 1658–1660 гг. М.: Наука, 1996. С. 90–93, 130–131.

²²² Вигилев А.Н. История отечественной почты. Ч. 1. М.: Связь, 1977. С. 134.

²²³ Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. XXIVа. СПб., 1898. С. 801.

будут в ответе и, смотря по содержанию письма, могут даже подвергнуться жестокому наказанию²²⁴.

Но тот же автор, который опубликовал эту грамоту, сообщает о причине ее появления: заграничная почта, направлявшаяся в Польшу, и в том числе письма польского резидента в Москве, была возвращена в Смоленск, и Е.И. Украинцев требовал почту, кроме писем польского посланника, прислать в Посольский приказ. Недаром, например, известный шотландец на русской службе Патрик Гордон сообщал сыну в Шотландию о мерах предосторожности при посылке писем в Москву²²⁵.

В годы правления Петра I практика эта отразилась в деле царевича Алексея. В июле 1718 года голландского резидента барона Якова де Би вызвали в Коллегию иностранных дел и под угрозой ареста фактически допросили канцлер Г.И. Головкин и вице-канцлер П.П. Шафиров. Предметом допроса стало содержание отправленных бароном в Гаагу депеш об обстоятельствах смерти Алексея Петровича, а также источники секретных сведений голландского дипломата. Оказалось, что письма де Би в Голландию на петербургской почте вскрывались и читались. За эти «ругательные реляции (коих на почте несколько одержано)» он по указу Петра I был выслан²²⁶. Надо сказать, что для российской власти само писание писем было делом подозрительным. В этом отношении характерен указ Петра I от 18 августа 1718 года «О запрещении всем, кроме учителей церковных, писать в запертых покаях письма, и о доносе на тех, которые против сего поступят»²²⁷.

Но системный характер тайное вскрытие почтовой переписки приобрело с середины XVIII века. Эпоха дворцовых переворотов после смерти Петра усиливала недоверие очередного государя к окружающим. Вокруг трона шла подковерная борьба различных политических групп, как правило, пользовавшихся поддержкой тех или иных европейских дворов. Вступившая на престол 25 ноября 1741 года в результате дворцового переворота Елизавета Петровна, при всем внешнем увлечении балами и развлечениями, не забывала, что сама имела тайные сношения с послами Франции и Швеции в Петербурге. В этот момент власть более всего интересовалась перепиской иностранных дипломатов.

Как отмечает Т.А. Соболева, из найденных ею архивных материалов следует, что перлюстрация переписки иностранных дипломатов была организована при деятельном участии вице-канцлера А.П. Бестужева-Рюмина в начале 1742 года, в марте которого он стал главным директором почт. Непосредственное осуществление перлюстрации дипломатической корреспонденции почтовый директор поручил Фридриху Ашу, которого он назначил на должность почт-директора в Петербурге. Сохранились русские копии писем 1742 года: от «голландского в Швеции министра Пехлина к находящемуся в Санкт-Петербурге обер-маршалу голштинскому [О.Ф.] Бриммеру [Брюммеру]», от «голландского в Санкт-Петербурге резидента Шварца к Генеральным штатам, к графине Фагель в Гаагу, к пансионерному советнику фон дер Гейму и пр.», от «австро-венгерского в Санкт-Петербурге резидента Гогенгольца к великому канцлеру графу Ульфельду и к графу Естергазию, а также [от] секретаря его Бослера к маркизу Вотте», от «английского в Санкт-Петербурге министра Вейча к милорду Картерсту в Ганновер и к герцогу Ньюкастльскому», а также копии некоторых других документов²²⁸.

²²⁴ Шедлинг М. Русская почта с древних времен до начала XIX века // Почтово-телеграфный журнал. Отдел неофициальный. 1915. № 4. С. 325. Здесь М.Ю. Шедлинг, безусловно, модернизировал текст конца XVII века.

²²⁵ Он же. Русская почта с древних времен до начала XIX века. С. 326; Он же. Очерки по истории мировой почты. Ч. 2. М., 1926. С. 229–231.

²²⁶ Анисимов Е.В. Политический розыск и тайная полиция в XVIII в. // Жандармы России. Политический розыск в России. XV – XX века / Сост. В.С. Измозик. СПб.; М.: Нева – ОЛМА-пресс, 2002. С. 187; Архив князя Воронцова. Кн. 1. М., 1870. С. 459.

²²⁷ ПСЗ. Собр. 1-е. Т. 5. № 3233.

²²⁸ Соболева Т.А. История шифровального дела в России. М.: ОЛМА-пресс, 2002. С. 110.

В Коллегию иностранных дел 18 марта 1742 года по инициативе кого-то из ее руководителей (то ли канцлера Карла фон Бреверна, то ли А.П. Бестужева-Рюмина) был зачислен ученый-математик Х. Гольдбах – в качестве специалиста по дешифровке дипломатической переписки. Копированием корреспонденции как знаток иностранных языков занимался по совместительству библиотекарь и советник канцелярии Академии наук И.И. Тауберт²²⁹. Первых успехов в дешифровке Гольдбах достиг спустя примерно год. 30 июля 1743 года он представил Бестужеву-Рюмину пять дешифрованных писем, 2 августа – также пять писем, 10 августа – два письма, 20-го – пять писем, 27-го – два письма, 30 августа – два письма. Только за июль – декабрь 1743 года было дешифровано 61 письмо «министров прусских и французских дворов»²³⁰. В Архиве внешней политики сохранились перлюстрированные материалы переписки иностранных посланников, находившихся в российской столице: английских, французских и шведских – с 1742 года, австрийских, голландских, датских, прусских – с 1743-го, саксонских – с 1744-го, польских – с 1749-го, турецких – с 1750 года²³¹. Секретные чиновники регулярно информировали начальство о корреспонденции иностранных дипломатов, проходившей через Выборгский, Московский, Петербургский почтамты, и кратком ее содержании. С 19 мая по 31 июля 1749 года было подано сорок таких реестров²³².

В ряде случаев императрица отдавала прямые распоряжения о перлюстрации переписки тех или иных иностранцев, находившихся при российском дворе. Неудивительно, что 20 июня 1745 года, за два месяца до свадьбы наследника Петра Федоровича (будущего Петра III), вице-канцлер М.И. Воронцов получил от императрицы Елизаветы Петровны следующую записку: «Друг мой Михайла Ларивонович. Прикажите... накрепчайше смотреть письма Принцесины [будущей Екатерины II] и Брюмеровы [Отто Фридрих Брюммер – обер-гофмаршал великого князя Петра Федоровича], также и Королевского Высочества Шведского, какие они интриги имеют»²³³. Из перлюстрированных писем Елизавете стало известно, что мать Екатерины, княгиня Иоанна-Елизавета, приехавшая в 1744 году с дочерью в Россию, согласилась быть осведомителем короля Пруссии Фридриха II. В результате принцессе Ангальт-Цербстской с трудом удалось оправдаться, а матушку ее выпроводили домой.

Еще одной громкой историей, основанной на перлюстрации, стало в те же годы дело маркиза Шетарди. Французский посланник в России, впервые приехавший в Санкт-Петербург 15 декабря 1739 года, считался личным другом императрицы. Он поддерживал Елизавету, когда она, дочь Петра Великого, жила под постоянным страхом опалы при дворе сначала Анны Иоанновны, а затем младенца Ивана Антоновича. Реальная претендентка на престол могла бояться ссылки, насильственного пострижения в монахини или заключения. Именно Шетарди наряду со шведским послом Э.М. Нолькеном с конца 1740 года через личного врача цесаревны Иоганна Лестока вступил в переговоры с Елизаветой, обещая ей поддержку в борьбе за престол. И хотя переговоры эти были не слишком результативными, а сам переворот 25 ноября 1741 года оказался для французского посланника сюрпризом, Шетарди поспешил представить себя чуть ли не душой заговора. Он действительно стал своим человеком в Зимнем дворце. При отъезде Шетарди из России в сентябре 1742 года Елизавета Петровна наградила его орденом Андрея Первозванного, табакеркой со своим портретом, щедро изукрашенной

²²⁹ Христиан Гольдбах (1690, Кенигсберг – 1764, Москва) находился в России с 1725 года, с 18 марта 1742-го служил в Коллегии иностранных дел, академик Санкт-Петербургской академии наук. См.: Новик В.К. Академик Франц Эпинус (1724–1802): Краткая биографическая хроника // Вопросы истории, естествознания и техники. 1999. № 4. С. 19, 20; Соболева Т.А. История шифровального дела в России. С. 117.

²³⁰ Новик В.К. Академик Франц Эпинус. С. 19; Соболева Т.А. История шифровального дела в России. С. 117.

²³¹ Архив внешней политики Российской империи [далее – АВПРИ]. Ф. 6. Оп. 6/2. Подсчитано до описи перлюстраций.

²³² Подсчет по: АВПРИ. Ф. 15. Оп. 1. Д. 97. Л. 3–58.

²³³ Архив князя Воронцова. Кн. 1. С. 10–11.

драгоценными камнями, а также перстнем с бриллиантами²³⁴. В декабре 1743 года маркиз вновь появился в столице России в качестве чрезвычайного посланника. Ему было поручено добиваться заключения союза с Россией против Австрии. Главное препятствие он усматривал в позиции руководителя внешней политики страны – Алексея Петровича Бестужева-Рюмина. С помощью Лестока и уже упомянутого Брюммера Шетарди стал плести интриги против российского канцлера. Но в результате в эти сети попал он сам.

Оказалось, что с начала 1744 года все донесения Шетарди в Париж тщательно перлюстрировались. Не спасли даже шифры, которыми велась переписка. Криптограф Х. Гольдбах в январе 1744 года писал Бестужеву-Рюмину:

Милостивый государь мой! Принося Вашему сиятельству первые плоды третьяго цифирного ключа, надеюсь, что вместо нареkania мне какого-либо в том медления, паче моей поспешности удивляться причину иметь будут, ежели когда-нибудь соизволено будет сличать самой ключ с разобранными письмами и когда усмотрится, что потребно было каждое число или каждую цифру весьма прилежно свидетельствовать, нежели возможно было познать содержание хотя б одного письма. Но понеже сия работа уже сделана, то я в состоянии нахожусь, в день по одной пиесе разобрав, отдавать, ежели я, однако ж, другими делами от того отторгнут не буду. Что же касается до четвертого и пятого ключей, от которого я еще несколько штук [писем] в руках имею, то оныя ключи несравненно труднее первых нахожу...

20 марта того же года было направлено новое донесение:

Понеже я в четвертой цифире успех возымел, того ради я в состоянии буду вашему сиятельству не токмо по пиесе [письму] на день из тех, которая с оною сходство имеют, возвращать. <...> А ныне я разбираю пятую цифирь, которая по всему виду гораздо важнейшие пиесы откроет; но всепокорно ваше сиятельство прошу мне по меньшей мере две недели сроку дать, дабы я себя в состояние привести мог вам такой опыт представить, который бы вашей апробации достоин был²³⁵.

Всего Гольдбах дешифровал 69 донесений министру иностранных дел Франции д'Али-ону и ответов на них, а также письма Шетарди генералу Тейлю.

Между тем Шетарди, видимо, был настолько уверен в своем положении и невозможности прочесть его шифр, что ничего подозрительного не замечал. В донесениях в Париж он, раздосадованный отсутствием каких-либо успехов своей миссии, начал все чаще критически отзываться не только о советниках императрицы, но и о ней самой, ее привычках и образе жизни. Например, 24 декабря 1743 года он писал: «...и так она леность по делам имеет, что для избежания труда думать, она лучше любит пореже ее министров принимать». 22 марта 1744 года маркиз сообщал в Париж: «...любовь [к] самая безделицы, услаждение туалета четырежды или пятью на день повторенное и увеселение в своих внутренних покоях всяким сбродом... все ее упражнение сочиняют [составляют]». Одновременно он неоднократно высказывал надежду на устранение вице-канцлера. В частности, в одном из писем Шетарди сообщал: «Пункт о низвержении вице-канцлера еще в состояние не приведен, но мы много надеемся»²³⁶.

²³⁴ Пекарский П.П. Маркиз де-ла-Шетарди в России. 1740–1742 годы. Перевод рукописных депеш французского посольства в Петербурге. СПб., 1862. С. V, XVI.

²³⁵ Архив князя Воронцова. Кн. 1. С. 463; Пекарский П.П. Маркиз де-ла-Шетарди в России. С. 463.

²³⁶ Архив князя Воронцова. Кн. 1. С. 463; АВПРИ. Ф. 6. Оп. 6/1. Д. 49. Л. 1–8 об.; Черкасов П. Персона нон грата, или Конец одиссеи маркиза де Ла Шетарди в России // Родина. 2009. № 8. С. 82.

Однако трудность состояла не только в дешифровке. Дипломаты свои письма обычно пересылали в конвертах, которые прошивались ниткой и опечатывались. Письмо могло содержаться и в двойном конверте, также прошитом и опечатанном. О трудностях перлюстрации можно судить по письмам петербургского почт-директора Ф. Аша А.П. Бестужева-Рюмину. Аш рапортовал 29 февраля 1744 года:

Покорнейше доношу, что я не премину списываемые унтер-библиотекарем Таубертом копии с оригинальными письмами прилежно сличать и находящиеся иногда погрешности в письме или цифири переправлять... Не меньше ж я и пробу хотя делал, возможно ли заклеенные письма вскрыть, не повредив приметным образом куверта. Чего ради я подобно тот куверт сам заклеивал и оно, паки высушешши наперед, паки вскрыть старался, но как без мочения до того достигнуть нельзя, то бумага не токмо зело замаралась, но и со всякою удобовымышленною subtilностью [предосторожностью] однако ж таким образом вскрыть возможно не было, чтоб оной куверт по некоторым местам не изодрался. И тако по сей мне неудачной пробе заключать можно, что таковые заклеенные куверты без подания о том явных знаков вскрывать нельзя...

В другом письме Аш подробно описывал процесс перлюстрации трех пакетов, один из которых был отправлен прусским посланником бароном А. фон Мардефельдом в Берлин, другой – секретарем посольства Варендорфом в Кенигсберг и третий – сотрудником посольства Латдорфом к брату в Ангальтенбург. Руководитель перлюстрации докладывал:

Последние два письма без трудности распечатать было можно, чего ради и копии с них при сем прилагаются. Тако же де куверт в придворный почтовый амт [почтамт] в Берлин легко было распечатать, однако ж два в оном письме, то есть к королю и в кабинет, такого состояния были, что, хотя всякое... старание прилагалось, однако ж... отворить невозможно было <...>: куверты не токмо по углам, но и везде клеєм заклеены, и тем клеєм обвязанная под кувертом крестом на письмах нитка таким образом утверждена была, что оный клей от пара кипятка, над чем письма я несколько часов держал, никак распуститься и отстать не мог. Да и тот клей, который под печатями находился (коли хотя я искусно снял), однако ж не распустился. Следовательно же, я к превеликому моему соболезнаванию никакой возможности не нашел оных писем распечатать без совершенного разодрания кувертов²³⁷.

Кроме умения вскрыть конверты, не повредив их, требовалось после снятия копий придать им первоначальный вид: заклеить, прошить ниткой, опечатать такими же печатями, чтобы не навлечь подозрения адресата. Поскольку дипломаты пользовались множеством печатей – личных и государственных, нужен был мастер по их подделке. В эти годы им был некий Купи. От него требовали высокого профессионализма. Например, в марте 1744 года А.П. Бестужев-Рюмин в связи с получением от Ф. Аша образца изготовленной Купи печати австрийского посла в России барона Нейгауза указывал: «Рекомендую... резчику Купи оные печати вырезать с лучшим прилежанием, ибо нынешняя нейгаузова не весьма хорошего мастерства»²³⁸. По сведениям С. Майского (В.И. Кривоша), в это время способ производства поддельных печатей был следующим: печатка отливалась из свинца по форме, снятой гипсом с воскового негатива оригинальной печатки. По его мнению, этот способ был «довольно сложен, вследствие четырехкратного снимания оттиска (негатива – воском, позитива – гипсом, снова негатива –

²³⁷ Соболева Т.А. История шифровального дела в России. С. 112, 122.

²³⁸ Там же. С. 113–114.

свинцом и, наконец, позитива уже на самом письме сургучом)», а также «давал недостаточно резкие отпечатки»²³⁹.

Императрица Елизавета Петровна, как и подобает самодержавному монарху, лично вникала во все детали столь щекотливого дела. Об этом говорит следующий документ:

В Санкт-Петербурге. 12 февраля 1745 года пополудни при докладе происходило: <...> Ея Императорское Величество о потребности в сделании печатей для известного открывания писем рассуждать изволила: что для лучшего содержания сего в секрете весьма надежного человека и ежели возможно было, то лучше из российских такого мастера или резчика приискать, и оного такие печати делать заставить не здесь, в Санкт-Петербурге, дабы не разгласилось, но разве в Москве или около Петербурга, где в отдаленном месте, и к нему особый караул приставить, а по окончании того дела все инструменты и образцы печатей у того мастера обыскать и отобрать, чтоб ничего у него не осталось, и сверх того присягою его утвердить надобно, дабы никому о том не разглашал²⁴⁰.

Умение российских перлюстраторов вскрывать дипломатические пакеты, оставляя минимум следов, и дешифровать тексты сделало свое дело. Последнее из писем Шетарди было прочитано 4 июня 1744 года. Накопив компромат на французского дипломата, А.П. Бестужев-Рюмин в эти дни, когда двор находился в Москве, нанес тонко продуманный удар. Императрице 5 июня был представлен доклад о поведении маркиза с подробными выписками из перехваченных донесений. Расчет оказался верным. Оскорбленная Елизавета тут же подписала уже подготовленный указ главе Тайной канцелярии А.И. Ушакову: «...повелеваем вам к французскому бригадиру маркизу Шетардию немедленно поехать и ему именем нашим объявить, чтобы он из нашей столицы... в сутки выехал». На следующий день, 6 июня, в половине шестого утра в дом Шетарди приехала целая компания: А.И. Ушаков, камергер П.М. Голицын, представители Коллегии иностранных дел И.П. Веселовский, А.И. Неплюев, П.П. Курбатов в сопровождении офицера Семеновского полка и двух унтер-офицеров. Когда Шетарди разбудили, то «секретарь Курбатов <...> читал все экстракты [выписки] из его Шетардиевых писем, а он Шетарди за ним смотрел, и ничего не оспорил, ниже оригиналов смотреть хотел, хотя его подпись к последнему письму к Дютелю [письмо от 24 мая 1744 года одному из руководителей французской дипломатии – дю Тейлю] ему показана была»²⁴¹

²³⁹ Майский С. «Черный кабинет»: Из воспоминаний бывшего цензора // Зданович А.А., Измозик В.С. Сорок лет на секретной службе: Жизнь и приключения Владимира Кривоша. М.: Кучково поле, 2007. С. 276.

²⁴⁰ Соболева Т.А. История шифровального дела в России. С. 114–115.

²⁴¹ Архив князя Воронцова. Кн. 1. С. 615–616.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.